
Светлана ПОТАПОВА

МИКСТУРА КВАТЕРА

История за каждой стеной

1.

— Сколько же лет я не видел тебя, Женька? Сто лет!!! Как мы в девяностых с тобой — а? Ходил ты, я помню, в треснутых таких очках. Стекло одно было заклеено с края пластырем. Оригинал! А дела мы с тобой вершили! Как боялись бандиты вот этих твоих треснутых интеллигентских очков и тихенького твоего голоса! А знаменитая тетрабочка твоя, школьная, зеленая, в клеточку?! Как раскрывал ты ее на стрелках и неторопливо начинал говорить оттуда цифры! Все знали, что тетрабочка эта надежней договоров с печатями, и дорого бы дали за нее очень многие, да хранил ты ее не в сейфе, а носил всегда с собой... Помнишь, как однажды изрешетили пулями, гоняясь за этой тетрабочкой, нашу машину? Наш первый «форд», один на двоих... А бабла мы с тобой подняли!! Все это — погляди — оттуда!

Мужчина, произнесший эту речь, поднялся со скамьи, бойко обошел почти не помешавший ему стол и заключил в объятия сидевшего напротив друга, жмурясь от набежавшей слезы, — впрочем, друг, не менее растроганный, но более трезвый, аналитически подумал, что сентиментальность оратора пополнялась значительным образом из бутылки виски на столе, отчего последняя уже на две трети опустела; глаза же могли заслезиться от дыма. Широкий стол в беседке, где отдыхали два товарища, сделан был так, что в самом центре его располагался приветно пылающий сейчас квадратный мангал. Подвешенный под мангалом железный ящик для сбора пепла нагревался от огня так, что ноги сидевших на скамейках вокруг ощущали постоянное приятное тепло. Этим устройством сразу восхитился приехавший недавно, минут тридцать-сорок назад, гость.

Почему-то хозяин повел его не в дом, как следовало ожидать, а сюда, в беседку. Гость был усажен спиной к окнам роскошного коттеджа своего друга, который ему хотелось рассмотреть, а хозяин оказался к ним лицом. Но гость почти не обратил внимания на это, так как был сейчас попросту, по-детски рад. Здесь он, полноватый, с лысиной и очками в тонкой золотой оправе, был не директором крупной питерской фирмы Евгением Александровичем, а Женькой, хозяин же — жилистый, быстрый в движениях, с улыбающимися и чуть хитроватыми, изогнутыми на восточный манер узкими глазами, похожими на две рыбки, пойманные в сети морщин, — не известным новгородским бизнесменом Дмитрием Семеновичем, а Димоном. Друзья смотрели на огонь перед собой с чувством восторженных мальчишек, и хотя на столе стояли тарелки

Светлана Александровна Потапова родилась в 1971 году. Окончила Новгородский педагогический институт. Публиковалась в журналах «Нева», «Новгород литературный», «Белая скала», альманахе Союза российских писателей «Паровозъ», альманахах «Полдень», «Вече» и др. Дважды лауреат Международного конкурса имени Александра Куприна Союза писателей Крыма. Автор нескольких книг прозы. Живет в Великом Новгороде.

с икрой, красной рыбой и прочими деликатесами, оба поймали себя на мысли, как здорово было бы сейчас пожарить на этом мангале по куску черного хлеба...

В Великом Новгороде, как и других небольших российских городах, и сейчас есть еще окраины с частной застройкой; почти все эти территории скупил и построил на них особняки состоятельные люди. На такой улочке, насчитывающей всего десятка два домов, жил Димон. Произнеся последнюю фразу своей речи, хозяин широко, хотя слегка падающей рукою, не без гордости обвел свой обширный двухэтажный коттедж неподалеку от беседки и продуманный сад. Для устройства последнего, как успел похвастаться гостю Димон, пришлось прикупить еще два соседних участка и снести на тех домишки.

Был апрель; стоял не так давно после долгой зимы весь снег, и освобожденный сад хоть и не разделенелся еще и не расцвел, но подсох от мартовской воды. В саду ровными шеренгами шли войска неперенных туй, чьи, впрочем, неколючие плоские иглы совсем обезоружила овальная линия стрижки; выставляли тысячи маленьких пик из своих прямоугольных низких колонн безлиственные пока кустарники живой изгороди; как полководец, глядел на всех свысока пышный кедр, а рядом с ним не менее важное толстое дерево обвила, будто орденская лента грудь генерала, канатообразная лиана. Были здесь и другие диковинки, каждый квадратный сантиметр поверхности, безусловно, оросил пот ландшафтного дизайнера. Когда Женька полчаса назад проходил от калитки к беседке, то заметил: под «генералом» на земле лежали странные желуди, меньше обыкновенных вдвое и не овальные, а круглые. «Дальневосточный дуб! — пояснил без вопроса гостя Димон. — Занесен в Красную книгу, между прочим. А лиану тут мне один кудесник привил».

День, прошедший свою половину, все больше наливался неярким теплым светом. У беседки, в которой сидели друзья, на альпийской горке с округлыми пестрыми камнями пробилась кучка острых, как утолщенные травинки, темно-зеленых листьев какого-то первоцвета; между ними, навстречу небу, светившему взамен невидимого солнца, раскрывались лиловые колокольчики.

— Смотри — первый нормальный весенний день сегодня! До этого зима, как в гробу, март в воде, будто в соплях, хоть на улицу не ходи. А сегодня — свет! Это потому, что ты приехал! Ты — мой единственный друг! — Димон снова зажмурил свои узкие глаза и, нагнувшись через край стола, похлопал Женьку по плечу.

Да, было от чего расчувствоваться обоим! Два приятеля не виделись около двадцати лет, а свели дружбу тридцать лет тому назад здесь, в Новгороде, в девяностых. Тогда, после распада Союза, они, двадцатилетние мальчишки, как вспоминал теперь Димон, действительно поддались общему настроению, витавшему в остро свежем воздухе перемен желанию, так естественно совпавшему с амбициями всех на свете двадцатилетних мальчишек — вдруг приобрести огромное значение, стать крутым, заняться новым, таинственным делом, носившим название бизнеса, делом, которое не сводилось к простой покупке и перепродаже вещей, но сообщалось с умением и возможностью стрелять или хотя бы носить в кармане пистолет, глядеть джеймсбондом на конкурентов и женщин, каждый день уравнивая на одной чаше весов — свою жизнь, на другой — риск и славу. Им посчастливилось выйти из такой молодости живыми, без особых царапин на теле и душе. Сейчас прошлое казалось обоим лучше, чем было. Они, держась за руки, вылетели с течением бурной реки в океан; новые, спокойные, но безбрежные воды развели их... Двадцать лет назад они еще виделись изредка, потом стали только созваниваться, затем звонки свелись к поздравлениям на дни рождения и в Новый год... Но они помнили друг о друге и в разговорах вслух мечтали о встрече, мечтали, живя при этом в двух с половиной часах езды на машине в соседних городах... Сегодня Димону исполнилось пятьдесят. И Женька, наконец, приехал...

...Чересчур энергичные натуры, как раскачавшиеся качели, легко достигают высшей точки в диаметрально противоположных настроениях. Друзья выпили одинаково, но Женька был все так же немногословен и мягко улыбался; Димон же, недавно хваставшийся домом, садом и поднимавший тосты за успехи своих и Женькиных детей, внезапно с выражением мрачного отчаяния уставился на своего друга и замолк. Разговор только что шел о женах. И, по совпадению, у крыльца коттеджа появилась и начала двигаться в сторону беседки полная женская фигура в черном пальто, на которое была еще накинута коричневая шаль. В руках женщина несла большую, дымчатого стекла, салатницу.

— Оля! — подскочил к ней Женька, принял салатницу на стол, от всего сердца обнял подошедшую и поцеловал в щеку. — Узнал, узнал издали! Как не узнать? Ничуть, ни капельки не изменилась!!! Прежняя красавица!

Женщина с готовностью засмеялась. Благородный Женька преувеличил. От молодости у жены Димона сохранилась, пожалуй, лишь великолепно белая кожа, почти не морщинистая благодаря полноте лица. Густые волосы круглились у плеч в уложенной прическе, но всякий внимательный к подобным вещам человек подумал бы, что причина яркой черной краски на них — не менее густая седина. Круто преломленные дуги бровей и пышная бахрома ресниц, большие круглые карие глаза — все это, как вспомнил Женька, в былые времена составлявшее главную красоту этой женщины, теперь укоротилось, уменьшилось, сузилось, было жирно и жалко подмалевано. Ее белое пухлое лицо походило на силиконовую маску, изготовленную по лекалу черт молодой красавицы, причем маску комическую: одутловатую, с двойным подбородком и вялыми большими ушами, отягощенными массивными золотыми серьгами так, что места проколов изображали не точки, а тире. Из узких, обведенных толстой черной линией прорезей «маски» глядели живые настороженные глаза.

Выражение глаз Ольги показалось питерскому другу чересчур взбудораженным, но он объяснил это себе исключительностью сегодняшней встречи. Увядавшие губы былой красотки, густо замазанные кричаще-алой помадой — так бедняк тщетно мажует яркой краской потрескавшуюся стену своей лачуги, — оставались полуоткрытыми и готовыми к широкой улыбке, легко переходящей, как только что убедился гость, в смех. Смех ее был громкий и тоже какой-то чересчур возбужденный, почти взახлеб.

В начавшемся разговоре один Женька, подбодренный и присутствием женского пола, и сознанием встречи с двумя уже своими старинными и любящими его друзьями, живо и радостно болтал; Димон отвечал коротко или мрачно молчал; Ольга с преувеличенной живостью вертела головой от Димона к гостю, часто смеясь над шуткой или фразой, казавшейся ей веселою. Иногда она, словно выражая желание что-то сказать, быстро вбирала в себя воздух с судорожным всхлипом, но так ничего и не произносила.

— Люда, мама у нас! — позвонил Димон кому-то по сотовому. — Дочка! — пояснил он Женьке. — Сейчас придет, познакомишься. Людмила у нас молодец. Химический институт окончила. В Новгороде, если помнишь, завод большой химический. И Людмила...

— «Олеум» слышали? — вдруг перебил Димона Ольгин голос, обратившийся к Женьке. Голос прозвучал низко, почти грубо, хрипловато, возможно, из-за долгого ее молчания. По-видимому, у нее была астма или какое-то другое легочное заболевание. Она начинала фразу, со всхлипом забирая воздух, говорила на резком шумном нутряном выдохе, а в паузах громко дышала, причем ее явно не заботило неженственное впечатление этих звуков. Подумавший об этом Женька с сочувствием попробовал вызвать в памяти прежний голос жены его лучшего друга и не смог.

— Это что-то из химии? Да, что-то этакое... Да что ж ты меня на «вы», Оля? — добродушно засмеялся гость.

С лица Ольги, однако, совершенно исчезла прежняя взбудораженная готовность к улыбке и смеху. Расширившиеся глаза глядели на Женьку убеждающе и серьезно.

— В химии, да! Это я придумала! Олеум придумала я.

— Вот как? — Женька добросовестно задумался, припоминая. В химии он был полный профан.

— Чтoб ты знал! — продолжила хозяйка, с той же грубоватой интонацией и резким выдохом-шумом из груди. — Оле-ум. Это от слов «Оля» и «ум». Это я так назвала, чтобы понятно было, кто это придумал.

— А-а... Это шутка! — облегченно догадался Женька. — Фу ты! Ну и шуточки у вас. Сразу не допетришь. Я ведь в химии дурак. А вы воспользовались, да? Больно умная шутка, ребята. Нельзя так, понимаете, со старым другом!

На крыльце коттеджа возникла и торопливо почти побежала к беседке тоненькая фигурка в незастегнутом плаще.

— Люда! Что ж ты... На мать повесила вот... салат! — Димон сердито ткнул пальцем в дымчатую салатницу. — Надо же жаркое нести! Идите, девочки! Идите, идите!

И он начал почти выталкивать жену и дочь из беседки.

— Да ты что, Димон? Пускай и дочка с нами посидит! Меня, кстати, Людочка, дядя Женя зовут. Димон, ты — верх этикета, конечно! Даже не познакомил с дочкой. Жаркое ему подавай! Ну, ты деспот! Тиранище! Да? Такой он, признавайтесь, барышник? Домостроевец! Ну, мы ему покажем!! Людочка, у вас ведь и собственный сынишка подрастает? Подавайте его сюда! Где наш внучок Владик? Деда Женя ему подарок из Питера привез!! Сейчас... я...

И «деда Женя» торжественно вынул из дорожной сумки машинку в коробочке.

— Уменьшенная копия моей! — пояснил он. — Только чуток дешевле.

Ольга схватила его за руку, словно ждала именно этих слов:

— «Адидас» знаешь? Это я зашифровала имя моего внука. Он — Владик. От этого — «Ади», а потом «дас» от «вас ист дас», по-немецки — знаешь, что такое? Я немецкий учила. Я всему название дала! Я очень умная. Фирма «Адидас» — моя! Я ведь богатая! У меня в швейцарском банке — пятьдесят миллионов долларов. Это только половина, а половина — Путина. Он мне должен! Я ведь — голова! Все разработки военные — это все мое. Внучок заболел, я вылечила — это мое лекарство, я его придумала!

Людмила обняла мать и, глядя ее по голове, молча посмотрела на гостя. В этом долгом взгляде погас стыд, тлели только усталая грусть и огромная просьба... И тут в Женькино сердце словно толкнуло что-то вещественное, тоненькое и тупое: он вдруг понял то, о чем секундами раньше недоуменно подумал...

— Пойдем, мамочка, действительно, за жарким! — веселым тоном воскликнула Людмила. — А машинку я возьму, дядя Женя, и передам Владiku. Его сегодня нет, к сожалению. Он с моим мужем... не смогли приехать. Спасибо вам! Спасибо!

Последнее «спасибо», которое она произнесла пониженным тоном и вполголоса, подойдя к Женьке, чтобы забрать игрушку, относилось совсем не к машинке...

Друзья остались вдвоем. На несколько минут в беседке повисло молчание.

2.

— То, что ты сейчас видел и слышал, Женька, видел и слышал не один ты. Да только никто не смел спрашивать. И ты спросить не можешь. Но сегодня... Я сам тебе расскажу!

Димон резко выпил один рюмку, без закуски, поморщившись, будто заставив себя это сделать, и уставил мрачный взгляд на стол. Женька, не зная, что ответить, молчал.

— Есть расхожая фраза: «Бог наказал». Может, и так. Но скажу тебе: никто, никто не способен наказать человека больше, чем сам он себя наказать может! А если и в этом тоже Бог и он нас нашими же руками бьет — так, значит, это у него лучше всего выходит. То, что я сейчас хочу тебе рассказать, Женька... Этого никому и никогда я не говорил. Бабий это базар, не мужской. Но открыть душу, по ходу, надо. И не думай, пожалуйста, что виной тому вот этот великолепный твой виски. Ты знаешь, что я пьяный говорю так же ясно, как трезвый: может быть, еще красноречивее, потому что смелее. Видно, приехал ты ко мне сегодня не зря. То, в чем я виноват... Передашь как-нибудь потом... там! — Димон ткнул пальцем в небо. — Ты же у нас праведник. Не в оправдание мне. А... черт его знает, зачем...

Он отхлебнул из горла бутылки, почти уже пустой. Деликатный Женька сидел, не перебивая. Впрочем, он и не смог бы сейчас подобрать слова...

— Двадцать пять лет назад я женился, — начал Димон. — Цифра страшная. Да ведь и ты женился тогда же, раньше меня. Наташа твоя всегда была тебе другом. Ты меня не перебивай, а то я не смогу... Я знаю — прожил ты эти годы с Наташкой хорошо. Она всегда была баба правильная. Да и по твоим глазам вон вижу. У мужика, у которого все в порядке в семье — а вас таких на свете ровно столько, сколько дикарей в мегаполисе, — рожа довольная и маслянистая, как у кота на теплой печке, облизывающего с усов сметану. И кушаете вы отлично, и спите покойно. Сон же у вас крепок, а желудочный сок идеален, потому как, во-первых, всегда свежи ваши наволочка и суп, во-вторых же, совесть у вас чиста при потреблении этих жизненных удовольствий. Влияние человеческой улыбки на пищеварение — вот чему я отдал бы Нобелевскую премию, изучение вот какой темы обогатило бы все человечество! Да-а... Счастье это, когда женщины понимают, что такое — быть женой! Мне одна мудрая старуха как-то сказала: все в семье зависит от женщины. И вот еще о чем я теперь часто думаю. Мысль эта не нова, да только я ее прочувствовал на собственной шкуре. Думаю я: семья только тогда имеет шанс сразу стать удачной, когда есть родительский пример. Как у животных: собака становится собакой, лает, бежит за кошкой, охраняет дом, если другая собака показала ей, как это надо делать... Для щенка любая собака — пример, у людей же человек примером бывает не всегда... У Наташки твоей родители были дружные. А мне не повезло. Отец мой ушел, ты знаешь, когда мне было три года. У Ольги родители вместе, да все равно что врозь. Не знала ни она, ни я, что это такое — жить в нормальной семье. Это я вроде как себя оправдываю, — усмехнулся он. — Да только ты меня не слушай. Тому, что я расскажу, оправдания нет. Человек сам себя делать должен. А не на родителей махать. И то, что все в семье зависит от женщины... Это, наверное, и правда. Да только мужчина может сам себе женщину вылепить. Если хочет. Если видит в том цель. «Муж жене — пастырь, жена мужу — пластырь». Поговорка русская. Снова я прячусь за чужими мудростями, чтоб свою мерзость прикрыть. Так вот — ты слушай... Подошел я к самому началу своей мерзости...

...Начало моей мерзости было еще до свадьбы. Два года мы жили с Ольгой, как принято говорить, в гражданском браке. В девяностые — ты, верно, помнишь — это только начиналось. Это теперь даже девочки и мальчики после школы, а кто и в старшем классе сходятся да живут вместе. А в юности наших отцов и матерей — матерей особенно это касалось — сожительство без кольца на пальце считалось страшным позором и допускалось в виде исключения только у людей поживших, в возрасте. В девяностые же перемена для нас, нового поколения, случилась очень просто. Стало воз-

можным легально снимать или покупать квартиры, а в тех жить, с кем хочешь, в гостиницах перестали спрашивать паспорта у пар на предмет штампа о браке: вот и все. Родители Ольги по старинке на наш «грех» смотрели косо. Мозги ей, конечно, промывали, мать особенно. Это, да еще пример подружек, выскочивших замуж раньше, да собственная неуверенность — теперь я понимаю, что комплексовала Ольга в отношении себя почему-то страшно, — да приближавшаяся к ней граница в двадцать пять лет, до которой можно было без проблем родить здорового ребенка (еще одно правило матерей девушек тех времен, впрочем не лишнее подкрепления законом природы), — все подталкивало Ольгу к браку со мной, и, я подозреваю, настало время, когда ни дня уже не проходило, чтобы она не думала о своей мечте.

Когда я догадался об этом, по начавшимся намекам и переглядываниям наших общих друзей, как лесной зверь догадывается об охоте на него по стрекотанью и перелетыванию сорок, то страшно возмутился. «Брак нужен бабам! Нам он не нужен! — философствовал я с собой мысленно и вслух перед друзьями. — Они так самоутверждаются. Вот, мол, глядите, родители, смотрите, подруги — да просто — вся улица гляди, всякий незнакомый прохожий: я веду этого парня под ручку, как верного пса на поводке. Как же я хороша: он женился на мне, выбрал меня перед другими бабами. И этот олух обязан — потому как поклялся, перед всеми слово дал — быть мне теперь верным!»

Последний пункт меня особенно возмущал. Я, пожалуй, был готов — когда-нибудь — завести семью, ради того хотя бы, чтоб не стать похожим на своего отца, который меня с матерью бросил и жил холостяком. Мне нравилось видеть, где-то в отдалении, в будущем, себя со стороны таким ответственным и уверенным, хорошо одетым, сытым, входящим в дом, где я — главный человек, где дети и жена бегут мне навстречу, льнут ко мне, ждут подарков, спокойствия и защиты... Но всю жизнь быть физически верным одной женщине — с какой стати? Чтобы ОНА была спокойна? Чтобы ЕЙ было хорошо? Да ведь очень скоро, думал я, наступает время (оно пришло для меня, когда мы с Ольгой совсем немного прожили в гражданском браке), когда тело женщины, знакомое до мелочей, надоедает и хочется других. Так за что же Я всю оставшуюся жизнь, быть может, долгие десятилетия, должен страдать?

Изменять Ольге я начал, кажется, в первый год, когда мы сошлись. Я даже не запомнил, когда случилась первая измена — потому что изменой это не считал; гражданский брак — уловка, оправдание для нечистоплотных душ. «Мы ведь не расписаны, значит, нет и обязательств», — думают очень многие; и я думал так, только ей не говорил.

Верна ли Ольга была мне в те два года и потом, двадцать пять лет после свадьбы — не знаю. Я почти никогда не думал об этом. Возможно, оттого, что сошелся с ней без любви. Мыслишка, конечно, закрадывалась, и я хмурился, когда представлял это — как сердился бы хозяин машины, если б кто-то без его ведома прокатился на ней: просто потому, что это было МОЕ. Но Ольга всегда была так спокойна, даже апатична, так мало интересовалась людьми и жизнью, молчала в компаниях, не знала, что отвечать на комплименты чужих, что я быстро успокаивался. «Да нет! — думал я. — Она не смогла бы. Тут же расплакалась бы и прибежала ко мне признаваться... Слабая душа!»

Зачем же я все-таки женился на ней — спросишь ты. Да оттого, что я только что сказал. Она была слабая душа — и как же приятно было чувствовать себя рядом с ней сильным! Она была молода, честна, добра, красива и во всем соглашалась со мной — идеальная женщина! Рядом с ней можно было творить что угодно. Она и не подумала бы, что я подлец — потому что сама не была такой и не представляла, как другие могут. Пожалуй — я теперь думаю, — она воображала, что если бы я изменил ей, то, по ее понятиям, я должен был прийти к ней и признаться. «Как бы я смотрела тебе

в глаза, если бы изменила?!! — восклицала она. — Я бы не смогла вот так... разговаривать, смеяться...» Я же — мог.

Я так много говорю именно об изменах, потому что считал тогда, что измены — единственное, в чем я был с Ольгой немного неправ. Я регулярно приносил деньги. Она не работала. Мы жили на съемной квартире на мои средства. Я покупал ей все, что она хотела, мы ездили, куда ей хотелось. Чего же ей еще было надо?

Я говорил себе: «В гражданском браке нет обязательств», но продолжил изменять Ольге и после свадьбы. Если человек привык, входя в комнату, нажимать выключатель в определенном месте, а потом выключатель переместили, то еще долгое время рука будет шарить по стене там, где выключатель был раньше — это привычка. Отучить себя от привычки можно, если каждый раз перед тем, как совершить привычное действие, подумать и отказаться от него, чтобы совершить другое действие. Можно... если человек этого хочет. А если вообразить себе, что выключателей — два: один перенесен на новое место, второй же остался на старом?.. И можно свободно пользоваться обоими?

У любого негодяя есть масса для себя оправданий; были они и у меня. И первой причиной, по которой я не хотел перемещать свой внутренний переключатель, была обида. Обида эта действительно существовала, но при этом я еще и сознательно растил и холил ее в себе...

...Димон говорил уже больше получаса. Непривычное собственное откровение постепенно так увлекло его, что он перестал вовсе смотреть на своего друга. Он был похож на исповедующегося в католической церкви, где священник получает такие же откровения рядом с такой же деревянной решеткой, какой была окружена эта беседка с мангалом. Мангал почти потух, огонь слабо мерцал, но, несмотря на по-весеннему легкую одежду, оба растерянных друга не чувствовали холода. В говорившем как будто тоже угасал быстрый, яркий и недолгий жар — энергия, прежде вызванная алкоголем. Он почти забыл о виски, вторая бутылка которого оставалась едва початой, часто, чтобы собраться с мыслями, курил и становился все более сосредоточенно-серьезным. С резким поворотом его души к какому-то мучительному событию в прошлом, как при ударе о кремль, в этом умном человеке зажегся и теперь разгорался от желания поделиться другой огонь — природная способность к свободному и даже образному рассказу.

Как многие похожие на него бизнесмены родом из девяностых, он умел легко говорить на двух языках: жестком сленге улиц и деловом языке переговоров. Но природа дала ему еще и третий язык — творческий, мыслящий, рассуждающий, тот, что был обыкновенным наречием образованных русских людей еще лет сто назад и сейчас отзывается порой в речи их потомков, особенно петербуржцев, но для демократического большинства наших современников стал чудным и ненужным, как латынь. Его литературный дар был из тех, что обретается не благодаря интеллигентному окружению и чтению книг, а просто так, как родовая отметина, падает на лоб новорожденного младенца, словом, получается человеком точно таким же способом, как любой другой талант — чудо, свидетельством вечного существования которого служат древние предания, песни, сказки, пословицы, эпосы всех народов мира... Таким образом, речь нашего героя представляла собой неровную причудливую смесь указанных трех языков. Она была, можно сказать, рекой, текущей на своем протяжении по трем видам поверхности: чистой на вековой каменной подложке, почти лишенной движения у искусственного бетонного шлюза, мутной на заболоченных землях... И если верно, что всякая речь — выражение не только мыслей, но и характера человека, то что же творилось в этой душе, соединяющей в себе такие течения?..

...— Что это за обида? — продолжил свою исповедь Димон. — Ты прости меня, друг, если говорю сумбурно и пространно. Это потому, что я сейчас на твоих глазах, может быть, все осознаю. Так бывает: начнешь рассказывать и только тогда понимаешь, что же на самом деле произошло. Как будто обходишь со всех сторон прошлое, разглядывая его... Так я про свою обиду.

Чтобы объяснить эту обиду, надо признать: самый даже грозный и внушительный мужчина имеет слабость, общую для нас тайну. Эта тайна: мы не меньше, чем женщины, хотим, чтобы нас любили. Это в нас, я думаю, говорит природное, единое для всех людей желание защиты. И мы не меньше, чем женщины, чутки в том отношении, что безошибочно чувствуем, когда нас не любят. Что такое — женщина не любит мужчину? Да Бог с ней, не люби, найдем другую, обидно не это. Но не любить по-женски — это особенное! Это — использовать мужчину для самых разных своих целей, не всегда только денежных, делая при этом вид, что любишь. Вот в чем обида, потому что обман.

Бабье слово — любовь. Что это такое — любовь? Мне нравится эта женщина, я хочу ее, пока не понравится другая, — а она хочет выйти замуж: кто из нас двоих любит? Никто! И именно такой любви полно в мире. Ты со своей Наташкой — исключение, я, честно, не понимаю, что у вас происходило и происходит, не понимаю, и все тут, хоть смотрю на вас всю жизнь.

А все-таки любви — любви от другого человека — каждому хочется. Это, как я уже говорил, инстинкт. Любовь — крючок, на который, как правило, мужчину ловит женщина. Ты думаешь, что она тебя любит, и заглатываешь крючок: женишься. А потом оказывается...

Да так ли нужна эта самая любовь в браке, спросят некоторые. Тебе, кто счастлив, не придет в голову этот вопрос. Но очень многие в наше время женятся не по любви, а по расчету. Вошла в моду поговорка «Брак — это коммерческое предприятие». На такой основе может жить студентка с преподавателем, актриса с продюсером, пара бизнесменов высокого полета... И... такой брак, сколько я наблюдал в жизни, всегда рушится. Так падает детский картонный домик, если один его бок, одна карта слишком сильно наклонена к другой или же обе они круто отклонены в противоположные стороны.

Моя карта льнула ко мне, но не под опасным безумным наклоном. Я считал, что Ольга меня любит — она ведь так сильно хотела свадьбы! Сам же я создавал навстречу ей свой наклон денежного содержания и ответственности. Ольга знала: о чем бы она ни попросила, она получит это от меня; днем и ночью (если я был с ней ночью) ее ждет, как такси возле дома, моя моментальная помощь. Я сказал: «Если я был с ней ночью», но помню случай, когда Ольга позвала меня по пейджеру далеко за полночь, испугавшись алкаша, кричавшего под нашим окном, и я в течение десяти минут примчался к ней от любовницы. Я гордился собой. Я считал себя настоящим мужчиной.

Почему бы не покрыть этот благоразумный равномерный наклон друг к другу двух наших карт третьей — крышей, браком — и да здравствует семья, новый простой картонный домик, каких миллионы благополучно строят на свете?! Так я начал думать со временем. Подтолкнуло меня к женитьбе, не скрою, то, что отец Ольги был человек обеспеченный. Чтобы картонный домик не падал, можно ведь его просто склеить — склеить довольно прочным клеем денег. Альфонсом я никогда не был, но увеличить капитал браком — мудрое решение, особенно для того, кто начал свой путь в эпоху капитала.

Я опять отвлекусь, но скажу: страшная вещь — наша эпоха капитала! Я даже думал некоторое время — все с той же целью оправдать себя (эти соображения забавно соединялись в моем уме с выводами советских учебников истории, последний из кото-

рых я читал в 1988 году, когда заканчивал школу), — что, может быть, меня заставили быть тем, кем я стал, новые порядки общества? И они виноваты в том, что в моей семье вскоре развернулась трагедия?

В самом деле: после развала Союза не стало предмета или идеи, которую нельзя было купить или продать. Развращение духа и тела человека совершилось так же легко и мгновенно, под такой же напорающей мощью (если б этот процесс мог получить звучание, то и с таким же грохотом), как снос бульдозерами Берлинской стены. Любопытная насмешка истории: как раз в то время я увидел в журнале кадр фотохроники: житель Восточного Берлина после прохода через брешь в Берлинской стене стоит перед впервые увиденным им в жизни секс-шопом в западной части города. Как и перед озадаченным лицом этого немца, перед глазами взрослых и детей в девяностых в наших киосках печати открыто лежали порнографические журналы, а на уличных развалах — порнографические книги, за которые лишь недавно давали срок по статье Уголовного кодекса. Газеты новой России начали с поразивших воображение бывших советских людей объявлений о знакомствах, но довольно скоро читатели уже без удивления или негодования пролистывали целые страницы предложений о «массаже» или «приятном времяпровождении» от проституток или объявления, в которых могли найти заказ киллеры...

Я не буду перечислять все эти теперь уж и вовсе никого не удивляющие «достижения» демократии, которые сейчас, тридцать лет спустя, только замаскировались, приноровились к закону. Меня занимает вопрос: насколько моя продажная эпоха повлияла на меня самого?

И я отвечаю себе. Разве эпоха заставляла меня идти с друзьями в баню или новенькое, более открыто приспособленное для новых целей — сухую сауну, где теперь посетители — не только бандиты, но и обычные люди, вдруг почувствовавшие себя «крутыми» и забывшие о чувстве стыда — не мылись и пили пиво, а пили водку и занимались развратом? Сауна — одно из многих новых слов, быстро входивших в девяностые годы в нашу речь; сейчас эти слова являются для всех привычными, потому что мы согласились с явлениями, с ними связанными, приняли их повсеместно в свою жизнь.

Среди таких деловых неологизмов, сразу впаявшихся и в словарь неделовых, самых простых людей, появилось слово «стрелка». «Стрелки» с врагами и друзьями, которые раньше называли бы просто встречами — где? — да, конечно же, в кабаке! Еще один неологизм, странным образом присвоивший паспорт архаизма столетней давности! Эти помещения моментально построились, отстроились, все щеголяли модным евро-ремонтom, понимаемым хозяевами уж кто как мог. Сидеть в кабаке с рюмкой среди казавшейся нам роскошной после советских ресторанов обстановки, под манящими взглядами женщин, из которых практически любую можно было тут же увести в одну из построенных специально для этих целей кабинок или даже просто в туалет, а если уж очень запариться или захотеть отдохнуть подольше — в гостиницу: ведь для того эти женщины и пришли сюда... Как это приятно и какую значительность придает в глазах своих и чужих!.. Когда я вступил в жизнь и захотел быть в ней в числе первых, меня сразу встретили эти кабаки, эти стрелки, эти сауны, эти женщины... Если юношу после детства сразу призвали в армию и в этот момент началась длительная война, он представить себе не может, какой бывает взрослая жизнь без войны. Но — повторяю — разве эпоха принуждала меня заниматься развратом без моего согласия? Разве не называл я «прикольным» развлечение, носившее у нас название рулетки, когда мы сидели за карточным столом с длинной, до пола, скатертью, а под ней скрывалась проститутка, и условием этой веселой игры было сохранить невозмутимое выражение лица, когда ее лицо под скатертью избирало тебя?..

Ты морщишься. И я на мерзости, подобные этой, теперь смотрю с удивлением и спрашиваю себя: неужели я был их участником? А ведь тогда я считал их абсолютно нормальными для нас, «крутых» парней. Один раз Ольга высказала мне брезгливость по поводу саунных утех (она и не подозревала, что я участвую в них регулярно). «Какая гадость!» — воскликнула она. Я был тогда на взводе и решил пройти по краю. «Это весело!!! — возразил я. — Голые люди обоих полов бухают и веселятся. Это прикольно. И все так думают! Все, абсолютно каждый человек на свете — кроме одной тебя!!!»

Она разинула рот от ужаса. Но я, пройдя по этому лезвию, тут же отшутился и оправдался.

«Все так думают»... Я действительно был в этом уверен, вот в чем дело. Не участвуют в подобной веселой жизни только лохи или уж сильно влюбленные, вроде тебя с Наташкой. Это была моя твердая философия. Вокруг королей мира действительность расплывается, играет ярчайшими неестественными красками, очертания морально дозволенного лопаются, как края мыльных пузырей: я и мои друзья были словно напоены каким-то наркотическим газом, выброшенным в воздух. Не поддавались воздействию этого газа только единицы — единицы из сотен того круга, который знал лично я.

Однако после свадьбы я целых два-три месяца не изменял Ольге. Поселились мы в двухкомнатной квартире, купленной на мои деньги с добавкой от ее отца. Почему я не изменял? Я, пожалуй, чего-то ждал от жены. Может быть, поведи она себя иначе, я бы и стал со временем примерным мужем; кто знает, может, мы даже полюбили бы друг друга. Ведь бывает же на свете, черт возьми, любовь?! Я не верю в это бабье слово, как не верю в НЛО, но я встретил в своей жизни НЛО — вас с Наташкой — и потому в своем неверии сомневаюсь.

Мне было двадцать пять лет. Я еще не перебесился и осознал это. Но сразу после свадьбы наступил краткий промежуток, когда — будь у моей жены невероятная сила — меня можно было переделать...

3.

Димон взял очередную сигарету. Огонек, плясавший на углях мангала, от которых он прикурил, отразился красноватым светом в его зрачках. После паузы рассказчик продолжил:

— Как-то в первые месяцы после свадьбы, в выходной день мы с Ольгой гуляли по рынку. Супермаркетов в нашем городе тогда не было, и главный рынок представлял собой самое оживленное и разнообразное по ассортименту товаров и услуг место, где можно было и без покупок бродить и развлекаться. Я держал жену за руку, как ей хотелось, мы веселились, показывали друг другу на всякие забавные вещи, я заводил шуточный разговор с продавцами... Вдруг симпатичный парень из толпы подошел к нам. Это оказался мой знакомый; мы болтали, я все так же держал Ольгину руку... И тут почувствовал, что пальцы ее немного дернулись. Я, продолжая говорить, поглядел на жену машинально... Ее лицо — лицо женщины, страстно мечтавшей выйти за меня замуж, которая лишь недавно получила свою мечту — выражало кокетство; глаза пристально смотрели на моего знакомого, губы улыбались... Он явно нравился ей. Какой контраст по сравнению с временем до замужества, когда она опускала глаза перед всеми!.. Это ерунда, мелочь, конечно, но я впервые задумался тогда: а хотела ли она выйти замуж именно за меня? Или... просто хотела выйти замуж? Не было ли это только самоутверждение и... приблизившиеся к ней ее двадцать пять лет?.. В этот момент старая торговка (которой минутами раньше в разговоре мы показывали

ли наши руки с кольцами и поделились радостью), глядя на Ольгу, негромко и словно в сторону, произнесла: «Все в семье зависит от женщины!» Ольга не услышала ее. Она была поглощена флиртом с моим знакомым. А в мою душу и память эти слова врезались крепко...

...Женское кокетство похоже на цветок с мощным ароматом: он манит на открытом воздухе, но будучи внесенным в ваш дом, быстро вызывает головную боль. Я был знаком с этим внешне обворожительным, а по сути страшным явлением — легкомыслием замужней женщины — на примере своей матери.

Я любил свою мать (ее давно нет на свете), она никогда не обижала меня, но теперь, с высоты своих прожитых лет и опыта, я понимаю, что именно моя мать разрушила свою семью, а не мой отец. Что она сделала? Ничего. Когда женщина в семье не делает ничего — это лестница в ад. Моя мать была из породы тех женщин, которые порхают по гостям и выставкам; всем улыбаются; ходят всегда на каблуках; будучи умными, не говорят никогда ничего умного, дабы не потерять женственность; вместо голоса изобрели для себя аханье на высоких нотах; тратят исподтишка от мужа все деньги себе на наряды или другие личные цели, а потом врут и заставляют семью жить впроголодь; они, восклицая о любви мужу, напрочь забывают о его нестиранной рубашке и неглаженных брюках, а восторженно целуя своего ребенка, кормят его прокисшим супом, не помнят, что ему нужно купить к зиме рейтузы и разбудить его завтра в школу — словом, вредят своему мужу и детям так, как не мог бы повредить нарочно самый заклятый враг. Все это, разумеется, приблизительный портрет, главным здесь является отношение к себе, как к бабочке, а к семье, как к болоту. Эти женщины в кумирах всегда имеют Цветаеву и Ахматову, томным вечером читают под лампой томики их стихов или заняты перепиской в соцсетях с неизвестным и недосягаемым другом, в которого они тайно влюблены, в то время как муж отправляется к своей матери, чтобы та постирала ему свитер, а ребенок в гостях у друга радуется, что мама и не думает проверить не сделанное им школьное домашнее задание.

Скажи мне, кто твой кумир, и я скажу, кто ты. В какой-то телепередаче я услышал, что та самая знаменитая Цветаева — молодая здоровая баба с руками и ногами — сбросила в детский приют двух своих маленьких дочек, как ненужных щенят! Дамочка, имевшая работу, жилье и прислугу, отказалась от детей! Да самые простые бабы спасали ценой своей жизни ребятишек даже в лютый голод и войны! — эта же особь не желала ни растить дочек, ни зарабатывать для них, а желала исключительно искать новых любовей и писать любовные стишата, чему дети, по всей видимости, мешали.

До того, как отдать двухлетнюю дочь в приют, Цветаева, убегая в литературный салон, привязывала ребенка к ножке стула, чтобы голодная девочка не ела... из помоинового ведра! От записей из цветаевского дневника волосы встают дыбом: что-то вроде: «Ребенок. Мерзкое, бессмысленное создание. Стоит на краю кровати и руками ее расшатывает». Монстру, написавшему эти слова, в голову не приходило, что дите надо воспитывать, говорить с ним, чтобы оно не росло бессмысленным... Не пришел дамочке в душу и другой вопрос. Кто-то ведь дал жизнь САМОЙ Цветаевой? Кто-то стоял у ЕЕ кровати, когда ОНА была еще бессмысленна? Кто-то положил свои силы, чтобы ОНА жила и стала поэтом. Отдавать долги? Это не для монстров-эгоистов! Ненавидеть детей? Это не про тонкую душу, не про женщину и не про гения.

Если уж до конца рассказать эту подлую историю — в приюте младшая дочка Цветаевой в возрасте трех лет умерла от голода. Старшая едва выжила. Позже она писала в дневнике о матери: «Приходила в приют в красивой дорогой меховой шубке. Пахла духами. Не похожа на других матерей. Ненавидит маленьких детей».

Убить свое дитя и той же рукой, какую отвела ребенка на смерть, писать стихи о любви? Да разве они — о ЛЮБВИ?

Ахматова была не лучше Цветаевой. Эта сразу после родов отвезла своего единственного сына к свекрови и оставила там на... семнадцать лет! Дамочка приезжала в гости к своему ребенку за все эти годы... два раза!

Цветаевой и Ахматовой следуют, бросая мужей и детей в бесконечных поисках новых «любовей», современные так называемые светские львицы и прочая дребедень, абсолютно бесталанная. Пример подан, образ ярок и бессмертен, как вампир!

От Цветаевой и Ахматовой остались, кроме раненых или убитых осколками раздробленной семьи детей и взрослых, талантливые стихи. (Кровавые жертвы ради искусства! Любый гений любого пола, берущийся подражать этим великим женщинам-преступницам, должен остановиться: не создавай семью, если не можешь отдать себя семье!) От пустых кокеток же, копирующих великих антиматерей и антижен, остаются только жертвы, первой из которых становится сама кокетка. Красивый, но ничемный сорняк, расцветший на пашне, будет безжалостно выдернут! Его выдернет закон человеческой жизни, по которому люди должны есть, иначе умрут. Мужья, как правило, или уходят от таких женщин или заводят себе любовниц, что в обоих случаях влияет губительно на детей. Так вместе с сорняком, выдернутым из пашни, нечаянно выдергивается и соседний, малый еще, слабый росток пшеницы. Он пропал, ему никогда уже не стать полным зерна колосом, который мог бы дать впоследствии богатый урожай.

Я знаю, что говорю, потому что я сам — такой погибший колосок. Как бы ни пытался мудрствовать наш мнимо прогрессивный век, истина в том, что у ребенка должны быть родные и ответственные отец и мать, как в сутках должны быть день и ночь. Мужчина — это день; женщина — ночь. Слово дня — «действие»; слово ночи — «защита». Ребенок, растущий без отца, похож на человека, который выходит на улицу только ночью. В нем развивается либо осторожность, либо агрессия. Кто живет в ночи? Мыши. Совы. Волки. В детстве такой ребенок — пугливая мышь, в отрочестве — несущая для людей, скрытная сова, взрослый он часто становится волком. Волком стал и я. Как должен вести себя взрослый мужчина? Я не знал этого, потому что не видел отцовского примера. Но я чувствовал, что обязан защищать свое логово и тех, кто в нем. Если же зверь видит, что зверь, который должен помогать ему, воспитывать их общих детенышей, отлынивает от своих обязанностей, он убивает напарника-предателя.

На поведение Ольги я мало обращал внимание в два года гражданского брака. Откровенно говоря, я редко присутствовал дома: ел в кабаках, спал у любовниц. После свадьбы я обнаружил, что выбрал жену, по сути напоминающую мою мать. Ольга открылась мне как сонное существо, на людях преобразяющееся в кокетку, которое совершенно не умело и не хотело вести дом.

Цветущая в мае зеленая ветка дерева кажется нам совершенно красивой. Но осень сбрасывает недолговечное — и открывается истинная сущность ветки: она корява, обросла уродливым мхом и гниет под дождем... Самая гниль открылась, когда у нас появилась дочка. Я исполнял свой мужской долг: добывал деньги. Приходя же домой, я встречал порхающую, отдохнувшую (как видно было по размякшему лицу, она недавно проснулась, а было часов шесть-семь вечера) жену, которая ворковала, рассказывала запоем про какие-то тряпки, сериалы, встреченных в магазине знакомых — и не обращала внимания на то, что я устал и хочу есть. Я говорил ей об этом. Она всплескивала руками, наряжалась в красивый фартучек, накладывала какую-то еду — или же, случалось, так же всплескивая руками, вспоминала: «Ой, я забыла приготовить!» — и наспех, без желания, явно сердясь на меня, бросалась делать что-то неискusstvenное. Еда ее была невкусна, то пересоленна, то пресна, то недожарена, то сожжена. Я бросал ложку или вилку и говорил: «Меня здесь не ждут» — и уходил в кабак или к любовнице.

Были любовницы, которые стирали мне куртку или брюки, пришивали пуговицы — а моя жена и не замечала, что оторванная пуговица пришита и вещи чисты, потому что не глядела на них раньше. «Я не вижу! — ахала она в свое оправдание. — Я правда не видела, что у куртки оторвалась пуговица!!! Ты что — не мог мне сказать? И вообще, ты что — маленький ребенок? Не можешь сам пришить? Не можешь сам забросить вещи в стиралку?»

Опять псевдомудрость нашего времени, женская эмансипация во всей красе. Я мог, но... что же тогда делала бы она? Спала весь день и кокетничала, когда просыпалась? Работать Ольга не хотела, хотя закончила какой-то институт. В самом начале нашей совместной жизни я сам дал ей разрешение к безделью, заявив: «Хочешь — работай, хочешь — не работай, я тебя обеспечу!» Такую фразу произносили тогда своим женам все «новые русские», гордясь перед собою, семьей и всем миром. Когда безделье заняло всю Ольгину жизнь, как сумрак северной полярной ночи заволакивает двадцать четыре часа в сутки, я пожалел о сказанном. Кажется, Ломброзо лечил женщин, сошедших с ума от любви, принудительным трудом... Так как круг событий, в центре которых стояла моя жена, измерялся микронами, вести с ней любые разговоры становилось все более неинтересно. «Зачем она мне?» — все чаще думал я.

От праздной жизни заплывал жиром не только ее мозг, но и тело: я не только перестал хотеть ее, но даже испытывал брезгливость. Это был настоящий паразит, вошь, она немного что-то делала по дому, но уж самое необходимое, как вошь принуждена перемещаться, чтобы ее не прижали к ногтю. Так вот чего она хотела от замужества!! Не я был ее целью. (То, что она ожирела — разве не было свидетельством ее не любви ко мне?) Ее цель была в статусе жены покойно жить, вкусно есть, спать целыми днями, покупать на мои деньги тряпки, кокетничать с чужими, и чтобы муж ее не беспокоил! (Она, прежде соглашавшаяся с любым моим мнением, теперь часто мне противоречила, открыто раздражаясь. Если я открывал форточку, она закрывала, говоря, что ей холодно; мои любимые блюда она ненавидела и готовила то, что нравилось ей, покупала те продукты, которые любила она и терпеть не мог я, и тому подобное... Можно было найти компромисс, но я, раздражаясь ее поведением, на этот компромисс не шел.)

Ну уж нет, положение, когда «один в семье пашет, а второй в носу ковыряет», как в сердцах сказала по этому поводу одна моя любовница, придерживавшаяся вполне домостроевских правил, меня не устраивало! Когда же Ольгин апофигизм распространился на скоро родившуюся в нашем браке дочку... тут я не выдержал! Маленькое невинное существо сначала лежало в кроватке в вонявших пеленках, позже стало гулять в нечистом платьице («Эти пятна не отстирываются!» — разводила руками жена), отворачивало личико от то слишком густых, то водянистых, то без сахара каш (а Ольга сердилась и чуть не тыкала малышку личиком в тарелку), бродило по дому, пока мать занималась собой, не обращая на ребенка внимания... Я, что называется, взбелевился. И решил... наехать на жену. Довольно я терпел! Два года гражданского брака, еще два, почти три года после свадьбы... И до сих пор не научиться быть хозяйкой?! Прежде я терпел, потому что мог просто уйти из дома — и уходил. Но дочка — ей-то идти было некуда!

Дети никудышных женщин! Бедные брошенки, сироты, которых прилюдно ведут за ручки родители-призраки! Да, оба родителя становятся призраками, потому что мертвая для семьи мать, как вампир, умерщвляет и отца. Семья без мужчины неполна, семья с матерью-призраком обречена. Горько, страшно заглянуть в души детей, выросших в мертвой семье, пускай внешне у них все благополучно! Лучше уж быть реальным сиротой, чем иметь живых родителей-мертвецов!

Когда не кипит семейный котел и холоден очаг, разгорается другой костер и готовится зловещее варево. Все несчастные люди на свете обожжены им! Наркоманы и алкоголики, убийцы и маньяки, дети, потерянные, изнасилованные из-за того, что никто им не говорил об опасности и не смотрел за ними, социопаты и психопаты, сексуальные уроды, самоубийцы — бесы и жертвы всех мастей веером летят из этого ведьмино котла... Люди, которых не взрастила любовь, протестуют и ищут ее по свету; не зная, какова она должна быть, они в самых извращенных формах привлекают внимание всего мира к себе: «Посмотрите на меня, я есть!» Так существа на глубинах морского дна, придавленные страшной силой водной толщи, приобретают неестественные формы и в крошечной темноте излучают одинокий зловещий свет для привлечения к себе пищи. Какую биографию злодея ни возьмишь, он был лишен нормальной семьи: Гитлер и Сталин имели мутное прошлое, нацистский палач Геббельс в детстве стал инвалидом по вине родителей и возненавидел мир... Не каждый выросший в мертвой семье становится преступником, но каждая мертвая или больная душа — родом из мертвой или больной семьи.

Недолюбленные дети, став взрослыми, не способны создать собственную здоровую семью. Может быть, в этом явлении, печальном для них, нарочитый стоп-сигнал, мудрый закон природы? Не стоит продолжать то, что не удалось, считает эволюция. Но они не слышат предупреждения и пытаются... И веками — страшно подумать! — плодятся поколения несчастных людей, генетически больных семей от одной-единственной прапрапрадедушки или пары прапрадедов!

Прямая зависимость души человека от его воспитания в семье — это не преувеличение. Это вполне реальный закон природы, не менее реальный, чем преломление света, только не так откровенно видимый. Он никогда не нарушается. Если мы видим итог воспитания не таким, каким его ожидали, значит, что-то в процессе воспитания было скрыто от нас. Повторяю: это — закон природы. Человеческая психика точно так же развивается, как проходит непреложные этапы роста растение; этот процесс точно так же опирается на определенные события, как ведущее колесо танка давит на одно за другим звенья гусеницы, чтобы машина шла вперед; те или иные впечатления детства независимо от воли самого человека всегда ведут психику к определенному результату, как растущий в животе женщины плод, независимо от ее желания, всегда ведет к извлечению этого плода наружу, как жизнь, независимо от наших чаяний, всегда ведет к смерти.

Можно только ахнуть от всего сказанного: как же важна тут роль женщины! Важна каждая мелочь! Мать больше всех в семье находится с ребенком, ее связь с малышом крепче, чем у отца. Между тем мы сплошь и рядом видим: то, что желание иметь розовую спальню и ходить по улице с мужем под ручку не имеет ничего общего с семьей, неясно никудашной женщине! А ведь женщин-призраков нынче — миллионы!! Эмансипация, дав им права и замазав вопрос об обязанностях, создала массовый конвейер этих монстров!

Да Бог-то с ними! Пускай пустоцветы живут в свое удовольствие, лелеют свою красоту, двадцать четыре часа в сутки занимаются карьерой, или творчеством, или бесконечными поисками новых любовей — словом, занимаются исключительно собой! Только не пускайте их в семью! Уберите этих чудовищ от детей! Так нет ведь — монстры желают иметь семью! Они хотят получить от жизни все — и берут, берут полной охапкой, как тряпки на распродаже! А потом обнаруживают, что начинает работать закон природы. Что сколько подлинной любви они отдали семье, ровно столько же и получили в ответ. Что муж их ненавидит и подросток их ненавидит. Тогда

они обвиняют не себя. Они... заламывают руки и орут, как они несчастны, нападают на мужа и рано или поздно получают в ответ домашнее насилие или развод.

Говоря сейчас об этой частой причине домашнего насилия, я не имею в виду мужей-маньяков, от тех, конечно, нужно бежать. Я — о других историях, тех, что сплошь и рядом молчат и кричат за стеной каждой соседней квартиры, за закрытыми дверями любого дома! Женщине наплевать на домашние обязанности, но ей нужно любви. От этого она недовольна, громко спорит с мужем, орет, нападает первой, критикует, унижает своего мужчину словами — что она получит в ответ? Лев не тронет львенка, кусающего его за хвост, но вгрызется в бок напавшей на него львице — почему же иная львица так забывается, что мнит себя львенком? Муж не то же, что отец. Это забыто у современных женщин. Отсюда выросла огромная проблема. В старину действовал закон «Жена да убойтся мужа своего», теперь страшнее всего стала сама женщина.

Какой новый нравственный закон должен сформироваться, чтобы каждый в новой, современной семье играл свою роль и был счастлив? Его еще не выдумали. Время уже успело показать, что эмансипация, толерантность и прочие модные штучки в законы не годятся, не срабатывают — причина в том, что все это требует, а не дает. Старый же, природный закон, закон льва и львицы, между тем действует и нас не спрашивает, точно так же, как он действовал во все времена. И лев, временно согласившийся, что он не лев, рано или поздно укусит нахальную львицу...

Отмечу еще, что конвейер эмансипации включился во всех цивилизованных странах мира примерно с двадцатых годов прошлого века. Уже сто лет он действует, убывая-растая!!! За это время мало осталось на Земле нормально воспитанных женщин, а коли их нет — некому воспитать и нормальных мужчин!

Кто-то скажет: все мои взгляды домостроевские, и им пора в утиль. Да неужели? Отчего же тогда человечество, такое современное и прогрессивное, сытое и денежное, поголовно несчастливо в семьях? Почему оно десятилетиями платит миллиарды таким же прогрессивным семейным психологам — и никогда не получает желанного результата? Отчего то человечество, которое в ногу со временем проповедует толерантность и негодует на домострой, в семьях своих живет с проблемами, скандалами и депрессиями, меж тем как простая деревенская баба, приносящая мужу щи в бидончике на покос, сидит с ним под стогом сена и счастлива?! Так не может ли быть, что, приобретя прогресс, мы почти уничтожили некую основу самой жизни? Как атомная энергия, примененная для нашего удобства, уже почти убила Землю под нашими ногами... «Никто никому ничего не должен» — с этой фразы, а не с атомной бомбы начался путь человечества к гибели.

Этот мнимый современный прогресс, этот новый взгляд на женщину в семье, напористый, агрессивный, уверенный в своей правоте, обращен на несогласных с ним, а следовательно, по его мнению, «отсталых» людей сверху вниз. Прогресс этот имеет вид тех современных европейцев, которые с высоко задранными головами ходят, бестыже тряся головой, без лифчика, грудью, мимо закрывающих на них ладонью глаза аборигенов на пляжах далеких от развратных городов островков Таиланда, на Самуи, Липе — в тех тайских деревнях, где в каждом дворике по утрам статуэткам божеств в деревянных домиках духов подносят свежие стаканчики воды и конфеты, а платья местных девушек и женщин стремятся как можно ближе к шее, икрам и локтям. Так кто же здесь дикари, спрошу я. Те, кто, уважая право на иное мнение, закрывает на него глаза и следует опыту предков? Или те, кто игнорирует и оскорбляет моральный кодекс других людей, явившись к ним незваными гостями?

Самые передовые идут дальше. Они кричат: «Долой семью! Будем одиночками! Так проще!» Я скажу на это: «Семья больше не нужна? Семья умерла? А вы придите

когда-нибудь к себе в одинокий дом в дождливый вечер, когда вырубили электричество и отключился телефон!..»

Семью в наше время пытаются спасти, как это ни странно, мужчины. Я говорю не о воспитанных бабами особях мужского пола, сидящих за компьютерными играми в то время, как жена корячится на работе. Я — о настоящих мужиках. Никакого подвига, впрочем, здесь нет. Мы делаем это для себя. Нормальный пацан, если ввязался в трудное дело, обязан держать оборону. Если согласился жениться, то все окружающие должны видеть, что я — реальный мужик, могу приносить домой мамонта и охранять пещеру. Почему же бабы не хотят даже для окружающих выглядеть нормальными женами? Почему весь мир воспринимает новый современный образ женщин как должное? Отчего нормой в наши дни стало ненормальное? Почему прогресс дал женщинам право разводить руками и смеяться: «Ой, я не умею сварить суп, ха-ха!»?

Я сходил от этого с ума! Что я, один несчастный муж, мог сделать против этого всемирного конвейера эмансипации? И как я мог защитить своего ребенка?

Я сейчас попытался объяснить тебе, мой друг, высочайшую степень моего отчаяния. Потому что то, что ты услышишь дальше, тебя, праведника, вероятно, приведет в огромный ужас. Но мы договорились, и ты, пожалуйста, меня не перебивай! Я ведь и признаюсь, и расследую. Я — и преступник, который опускает повинную голову, и судья, и, может быть, жертва...

4.

Димон замолк, встал, принес большую охапку дров из дровяника, положил часть их в угасший мангал и разжег его. Мангал зачадил, в лицо друзьям пошел густой едкий дым. Димон вытер глаза рукавом куртки, подбросил еще дров и некоторое время смотрел в упор на яростно разгоравшийся свет, отчего веки его часто сжимались, удерживая наливавшиеся слезы. Затем он отвел взгляд как будто с усилием и продолжил:

— Итак, однажды, когда дочка была в гостях у Ольгиных родителей, я подозревал к себе жену. О, я умею наезжать, ты знаешь. Выбивать деньги и долги я отлично мог и у заказчиков, и у бандитов. Кроме того, чтобы придать себе силы духа, я напился.

Жена моя сдалась быстро. Через пять минут она, зареванная, дрожащая, стояла притиснутой кухонным столом к стене; я придвигал и придвигал этот стол все ближе, так что ей было уже больно.

— Что я тебе сделала? — кричала она в ужасе. — Ты раньше таким не был! Я тебя боюсь!

— У меня кончилось терпение, — холодно отвечал я ей таким же спокойным и страшным голосом, каким говорил с бандитами. И двинул стол прямо ей по бедрам. Она вскрикнула от сильной боли. В течение следующих трех — да, примерно трех, думаю, часов — я объяснял ей, какой должна быть нормальная мать и жена, не давая ей уйти из-за этого стола.

Я считал, она должна была сделать выводы. Она... начала меня бояться и через силу выполнять все так же ненавистные ей домашние обязанности.

Нет! Ничего не изменилось! Ей все так же было в душе плевать на мои грязные брюки или сломанную молнию на куртке — но теперь она, боясь меня, нарочито на моих глазах осматривала мою одежду и обязательно сообщала мне о том, что привела в порядок мои вещи. Несколько раз я ловил на себе ее новый взгляд — взгляд зверя в неволе. Ее синяки на бедрах после того, как я двинул на нее стол, из фиолетовых стали желтыми и прошли. Но она не забыла их и не простила. Раньше она не любила меня. Теперь она меня ненавидела.

И я начал привередничать.

Уже и суп был вполне сносным — а я утверждал, что он пересолен. Если у меня или дочки заболел живот — я говорил, что это из-за Ольгиной пищи. Отглаженную одежду я объявлял мятой, вымытые полы — грязными. Жена возражала, возмущалась, приходила в бешенство. Я, никогда не повышая голос — я отлично знал, что страшен именно тогда, когда говорю бесстрастным особенным тоном, — обдавал ее взглядом, от которого она замолкала, холодно произносил свои обвинения и уходил из дома, пропадая сутками и неделями. Ольга рыдала мне вслед. С улицы я еще слышал ее рыдания, потом они умолкали. Ей, конечно, становилось лучше без меня, чем со мной. Она плакала не оттого, что я ухожу, а от обиды.

Почему она не разводилась со мной? От ежедневного чувства страха и неудобства, которое она теперь ко мне испытывала, можно было давно сбежать! Что ж, во-первых, для нее, не работавшей в жизни ни минуты, дело осложнилось тем, что мужчина рядом с ней должен был содержать не только ее, но и ребенка. Во-вторых, она потолстела и не могла рассчитывать на прежнее внимание мужчин. Третьей причиной, закрывшей ей путь к выходу надежней тюремной решетки, был я. Я объявил ей — все тем же бесстрастным тоном, которого она так боялась:

— Ты, может быть, думаешь о том, чтобы развестись со мной? Размечталась!! Ты обманула меня. Ты — отвратительная жена и мать. Ты — ниже плинтуса, ты — никто. Ты ничем в жизни не занимаешься. Толстая уродина, чмо, ноль как женщина! Сидела у меня на шее пять лет и ржала надо мной? А теперь свалить решила? Хрен тебе! Я вложил деньги в эту хату! Верни сначала деньги, потом вали. И дочку оставишь мне.

Застарелый нарыв выходил с гноем и кровью. Боль мы испытывали оба. В то же время это была и моя, вполне холодная, тактика наезда. В первые годы нашей жизни Ольга ни разу не слышала подобных слов от меня. Она была права, когда кричала, что не знала меня таким раньше. Она не знала во мне волка. Я, не прочтя ни одной книги по психологии, выработал в боях за жизнь собственные приемы. С помощью психологической пытки я теперь выбивал из жены дурь, как выбивают из должника деньги. Я пытался сделать то, чего не сделали ее отец и мать, — воспитать Ольгу. Ты скажешь, мой друг, что можно было бы добром?! Не-ет! Мягких слов она не понимала! Я ведь пробовал прежде, десятки раз. Жена после моих бесед максимум полдня изображала идеал хозяйки и уже к вечеру расслаблялась и снова превращалась в паразита. Это была бесстыжая, бессовестная хамская бабища под маской аморфной белянкой простушки. К тому, чтобы заставить ее исполнять долг по отношению к близким, оставался только один путь — страх.

Какой бы поступок человек ни совершал, он делает это по одной из трех причин: любовь, долг или страх. Я перечислил их по степени силы желания. Охотнее всего мы делаем то, что любим, или действуем ради того, кого любим. Это — алое сердце наших побуждений. Долг имеет нейтральный цвет, страх черен.

Жена моя, очевидно, любила только себя. Долг перед другими людьми ей был неведом. Что мне было делать? Я пытался привить ей долг искусственно, как к кислой яблоне прививают персиковую ветку. Для этого надо было рассечь ветку, причинить ей боль. Я, воспитанный не семьей, а улицей, жил по понятиям. Жена поступала не по понятиям, то есть не по кодексу чести бизнеса и бандитов, который, как я считал, абсолютно так же мог быть перенесенным на семью. Семья — союз людей, созданный в окружении жестокого мира; последний угрожает семье больше, если какой-то взрослый член семьи не выполняет свои обязанности. Женщина, не выполняющая свой долг, взваливает бремя своей части семейных дел — а оно ведь очень велико — на мужа и детей.

Муж и дети, согласные терпеть в угоду лжебогу двадцать первого века — толерантности — плохую жену и мать такой, какая она есть, приобретают дилемму. Выход первый: дурно есть, не получать из-за непродуманности рациона витаминов, то есть ухудшать свое здоровье; дышать в квартире пылью, садиться на нечищенный унитаз, спать на грязных простынях, то есть жить в условиях антисанитарии; ходить в неглаженной одежде с пятнами, из-за неумения матери рассчитать семейный бюджет носить дешевое, стричься у плохого парикмахера, не иметь необходимых вещей, следовательно, понизить свою репутацию в глазах окружающих людей и т. д. и т. п... Выход второй: мужу и детям взвалить на свои плечи обязанности нерадивой матери и жены, то есть добавить их к собственным работам по дому, а также отобрать часы и силы от своих дел вне дома: работы, учебы, досуга. Почему? Что это за это чудовище — принимать людей такими, какие они есть? Что за адова бездна — толерантность? Почему прогрессом считается отдать всю свою кровь гигантской пиявке? Нет, принять я это не мог, меня приводила в бешенство такая идея.

У богатых семей есть еще третий выход: нанять людей для уборки, приготовления пищи и других домашних дел. Но мы не были в то время достаточно богаты. Кроме того, выход ли это? Не растут ли дети в семьях с таким порядком неумехами? Не отдаляется ли муж от жены, если та передает все заботы о нем чужим женщинам? Остается ли дом семейным гнездом, если в нем постоянно находятся или ежедневно вторгаются в его внутреннюю жизнь посторонние люди? И разве умные весьма богатые жены дворян прошлых веков, имея прислугу, не следили за ведением хозяйства и не воспитывали своих детей?

Почему я раньше, в первые два года, в гражданском браке, не обратил внимания, что будущие тесть и теща подсовывают мне подпорченный плод? Почему червоточины Ольги не волновали меня? Ответ: потому что я относился к ней не как к жене, а как к любовнице. В этом заключается еще одна ловушка гражданского брака. Когда Ольга стала женой, особенно когда родилась наша дочь, все изменилось.

Итак, я думал тогда, что меня бесил именно этот факт — нежелание моей жены выполнять свой семейный долг.

Мой друг, я обещал говорить тебе все. Моя учеба часто подкреплялась одним-двумя тычками жене в лоб или вполне материальным, не метафоричным пинком ей под зад. Это случалось, когда она, открыв хайло, спорила со мной, орала мне в ответ или нагло пыталась врать, оправдывая очередной свой косяк. Рука у меня была тяжелая, а ее кожа тонкая, так что оставались синяки. В результате вместо долга в ней возникла хитрость, с которой она стала молчать и стараться делать больше по дому.

Это выглядело как исполнение работ каторжником с цепью на ноге. Я добился своего, хотя поведение моей жены ничуть не отличалось от прыжков через обруч пуделя в цирке, которого дрессировщик исподтишка колет пикой. Но все-таки дочка наша начала выходить гулять в чистых вещах, еда на столе была сносной... Моя жена стала исполнять свой долг из страха.

А я? Я не был удовлетворен.

Тяжесть моего давления на жену с каждым днем постепенно росла. Я, следуя своей методике, изобретал все новые унижения. Мне это было не в радость; снова, чтобы делать это, я специально бухал. С удивлением я смотрел на эту женщину и думал: когда же она сдастся?

Однажды Ольга дала мне отпор. Она приготовила в первый раз в жизни — лет через шесть после того, как мы начали жить вместе — борщ.

— Ты понимаешь, что такое борщ? — спросил я ироничным, снисходительным и — я знал — страшно бесившим ее тоном, когда она, гордая, сообщила мне об этом. —

Борщ — это вершина кулинарного искусства. Естественно, повседневного искусства, которое тебе недоступно.

Я взялся за ложку с усмешкой, которая бесила ее не меньше, чем мои издевки. Издевками моими до краев был полон каждый ее день, каждая минута. Сейчас она приготовила борщ не из желания накормить вкусно и качественно семью, а для того, чтобы издевки, хотя бы временно, прекратились. Я понимал это и внутренне возмущился.

— Борщ — говно, — сказал я и бросил ложку: она полетела в угол комнаты и, звеня, упала на пол. — Не берись за то, что может делать нормальная женщина.

— Каким же, по-твоему, должен быть борщ? — глядя с ненавистью, но помня о сиюминутных сдерживающих факторах, спросила она.

— Ты меня спрашиваешь? Кто в семье женщина — я или ты? Спроси у подруг, почитай кулинарные книги.

Все эти обыкновенные слова я произносил издевательским тоном с особенной усмешкой. О, у меня есть такая усмешка, которая заставляла людей стрелять в меня. Я смотрю противнику в глаза и показываю, что сдерживаю уголки губ, которые иронично кривятся.

— Я сделала все по кулинарной книге! — она уже бесилась внутри.

— Значит, есть какие-то нюансы, которые тебе недоступны, — продолжал я все тем же тоном и с той же усмешкой. — Я пошел в кафе. Верни мне деньги, затраченные на продукты для борща.

— Где же я возьму деньги? — спросила она. Это существо соглашалось на роль раба, чтобы вести жизнь паразита.

— А я почему знаю? — издевался дальше. — Иди на панель, раз не хочешь работать.

Она все так же покорно серьезно отвечала:

— Я не могу работать! У нас Любочка еще мала.

— Значит, займись бизнесом на дому, — ответил я тоже серьезно, подавшись на эту фальшивую покорность. — Делай что-нибудь. Вон другие женщины молодцы. Одна моя знакомая...

— Ты мне изменяешь? — перебила она, и в голосе ее появился какой-то визгливый надрыв. — У тебя другая женщина? Иначе я не понимаю, почему ты ко мне придираешься!!

Я взбесился. Она специально сменила тему? Думает, что я буду дураком и поддамся? Как можно было ей ответить на эту провокацию? Только так:

— Не понимаешь? Ну, значит, ты совсем тупорылая. Я сто раз с тобой говорил по этому поводу.

Она проигнорировала оскорбление, заявив:

— Я ведь стараюсь! Я стираю, глажу, вот борщ сварила. Что ты еще от меня хочешь? Я возмущился:

— Я хочу? Я??? Ну ты вообще дура! Даже не способна язык прикусить, схитрить! Что на ум пришло, то из твоей глотки и лезет, как говно из дрищавой жопы! Вот точно: из твоей дрищавой глотки лезет говно, ха-ха! Ты же сама против себя говоришь! И кто тебя воспитал такой идиоткой? Я, дура, в сотый раз повторяю: я хочу, чтобы ты сама захотела быть человеком. А не делала все по принуждению!! Ты что думала: сварила борщ, и все — ты прощена? Нет, ты ответишь за то, как издевалась надо мной и дочкой столько лет! Закон действия и противодействия знаешь? Да откуда тебе знать, у тебя мозги от подушки расплющились! Сколько ты вредила нам — ровно столько времени и в обратку будешь стараться!

В ответ эта корова уточнила:

— Ты что — шесть лет надо мной будешь издеваться??

Я с усмешкой ответил:

— Не знаю. Пока человеком не станешь.

Тут она вдруг заорала:

— Я — человек!!! Человек!!! Человек!!! Я хорошая жена!!! Я тебе никогда не изменяла!!!! Я хорошая мать!! Я никогда не обижаю Людочку, я читаю ей книжки, варю ей кашу каждое утро!!

Она пришла в бешенство. Голос ее взлетал до взвизга. У нее слюни летели изо рта. Хорошо, что дочка опять была у Ольгиных родителей.

Я сказал хладнокровно:

— Психбольная. Эй, ду-ра! Я пошел к нормальным женщинам.

И отправился одеваться в прихожую. Ольга, обычно медлительная, кинулась на кухню — она была у нас рядом с прихожей, — схватила огромную кастрюлю с борщом, вернулась с этой тяжестью — откуда взялись силы? — и опрокинула кастрюлю на мои брюки. Я, не поверив в то, что вижу, еле успел отскочить. Часть горячей жижи ошпарила мне сквозь брючину ногу. Я бросился к жене и занес руку над ее дебильным лбом. Она побежала на кухню и, не давая мне подойти, стала метать в меня тарелки, чашки, сковородки. Пол засыпали осколки свадебного сервиза. Крышка кастрюли ребром больно ударила меня по коленной чашечке. Я приблизился к жене, хромая и скалясь, как зверь. Она схватила нож и крикнула:

— Не подходи!!! Ударю!

Я, глядя ей в глаза, отнял нож и бросил его подальше на пол, в угол кухни. Она зарыдала и закрыла лицо руками. Я занес руку, чтобы треснуть ее изо всех сил, так она меня выбесила.

— Не могу! Не могу! Не могу! — стала вдруг повторять она, странно монотонно, с громкими равномерными судорожными всхлипами, сползая на пол спиной по нижней панели кухонного гарнитура. Уже сидя, она отняла ладони от лица, оперлась на них, неспортивная толстая квашня, на полу и... вдруг засмеялась на резких выдохах, так же монотонно и одинаково:

— А-ха-ха! А-ха-ха! А-ха-ха! А-ха-ха!

Так прошло, кажется, несколько минут. Она, видимо, не могла остановиться, потому что уже задыхалась. Это было похоже на безумное верещанье зверя, которого прищемил капкан. Я понял, хотя не видел такого ни разу в жизни, что она в истерике, не притворяется и не владеет сейчас собой. Я налил чашку холодной воды из-под крана и подsunул ей в губы. Она отшатнулась. Тогда я плеснул воду ей в лицо. Струи потекли на пол и ее одежду, волосы у висков намокли, она немного опомнилась. Я снова налил и подsunул ей чашку, приказав:

— Пей!

Она выпила и, рукой зажимая себе рот, видимо старалась успокоиться. Выкрики сменились такими же ритмичными всхлипами. Я со странным чувством любопытства отметил: длина всхлипа меньше секунды и паузы между ними тоже примерно в полсекунды. Всхлипы и паузы постепенно становились длительнее... Я не тронул ее и, не дожидаясь конца, сказал:

— Все! С дурой я жить не хочу. Завтра пойдем разводиться.

Я не развелся, однако, ни назавтра, ни потом. Я повторил Ольге все те же два условия для развода: вернуть мне деньги, уплаченные мной за нашу квартиру, и оставить мне Людочку. Я знал, что оба они невыполнимы. И... если б я вдруг чудом получил от Ольги желаемое, то разве сразу же не придумал бы новые условия, чтоб не дать ей уйти, чтобы продолжить мучить ее? Так зачем я это делал? Зачем, если эта женщина стала до омерзения противна мне, а после истерики еще и пугала?

Я не понимал себя. После Ольгиной истерики я пропал на неделю, жил у очередной бабы, пил по-черному. Я и раньше выпивал, теперь бухал каждый вечер до беспамятства. Пьяный, я беседовал с любовницей примерно так:

— Понимаешь... Дай я этой с... развод, моя дочка будет расти, как я сам, без отца! Какого хрена? Я ее, тварь, испинаю, но верну в семью! Семья — это святое!!! Потом: я хочу себе полную семью, я имею на это право! Я-то ведь выполняю свой долг! Я честен!!! Это она заставила меня на себе жениться, а потом обманула!

Что было дальше? Дальше была... наша встреча с тобой, мой друг!

5.

Женька, по-прежнему не говоривший ни слова, уже давно, морщась, как от боли, снял очки и в раздумье тер свой лоб и закрытые глаза рукою. В ответ на последнюю фразу Димона он убрал руку, открыл глаза и удивленно приподнял брови.

— Да, — подтвердил Димон. — Ты и Наташа, сами не зная того, нечаянно повлияли на исход нашей семейной битвы.

Бы с Наташей жили в то время уже в Питере и однажды приехали к нам в гости. Была осень. Сидели тут же, на этом участке, где мы сейчас с тобой сидим. Мы тогда только продали свою квартиру и купили здесь землю. Коттедж еще не был построен, и стоял на его месте, если помнишь, деревянный частный домишко. А взамен беседки — пластиковые стулья и столик возле кострища...

...Как всегда бывает у друзей в компании, нас повело тогда на отчет за прошедшее время. Каждому хотелось рассказать и услышать от других, где были, что видели. Все тогда ездили в Египет. Оказалось, наши две пары были там примерно в одно время.

— Мы в первый раз в жизни за границу поехали! — сказала Наташа. — Женя раньше был невыездной. Долги перед приставами.

— Одна бы съездила! — удивился я. — Вон с подругами. Мою бы взяла! — я показал на Ольгу.

— Да ну, ты что! — Наташа замахала руками. — Целый год ждать отпуска, чтобы провести его раздельно? Нет, нам вдвоем веселее. Мне ни с кем не бывает так здорово, как с ним. Женьку в командировку отправили на Дальний Восток в прошлом году — он меня через полмесяца туда вызвал. Скучно говорит, одному. Вперед, жена декабриста! Мои родители нашу дочку взяли. Им в радость! И дочка «бабу» с «дедой» обожает.

— Так ты же работаешь, — напомнил я.

— Так я же журналюга-хитрюга, — улыбнулась она. — От редакции запросила командировку на Дальний Восток. Без оплаты проживания и без командировочных. На два месяца. Но авиабилеты мне оплатили, они дорогие. Вы были когда-нибудь на Дальнем Востоке? Природа там — уникальная!

«Вы»? Я начинал раздражаться. Хочет подчеркнуть, какая у нее идеальная семья, ах, привыкли быть везде вместе, бла-бла-бла... Так, я раньше считал, что Наташа немного хвастается своей профессией журналиста... Но я опять ошибся. Хвастовства в ней никогда не было ни на грош. Иногда ее рассказ прямо делал ее смешной.

Я отрицательно покачал головой — нет, на Дальнем Востоке мы не были — и вернул ее к теме:

— Ты же про Египет хотела!

— Да!!! — опять всплеснула руками Наташа. И она рассказала, как в Египте впервые плавала с маской и уплыла нечаянно вдоль побережья до чужого отеля, потому что боялась поднять голову над водой. «Чтобы в маску не натекло! — пояснила она. —

По неопытности прижала, наверно, неправильно! А Женька бегал по берегу и меня всюду искал. Я услышала его жуткий крик».

Что мы с Ольгой могли рассказать про наш Египет? Я помнил только высокую сияющую негритянку, к которой я пробовал сунуться в номер, но не преуспел, потому что к ней из наших оказалась настоящая очередь... Ольга, как вытасченная на песок камбала, распластывалась у моря утром и вечером и дрыхла в номере в полуденные часы и ночью. Обо всем этом рассказывать было нечего.

Наташа вспомнила, как в Египте встретила каракатиц.

— Плыву я, значит, опять со своей маской, — она снова смеялась над собой. — Околачиваюсь теперь у самого-самого берега — после того первого неудачного заплыва мне, коряге, страшно. Женька тоже плывет, но уже далеко, ему на мелководье неинтересно. И тут я поворачиваюсь и вижу: два инопланетянина! Большой ко мне ближе, за ним второй, поменьше. В полуметре от меня. Голубоватые, под лучами солнца в воде мерцают как будто звездной пылью. Мантии колышутся, глаза огромные, круглые и тоже ярко-голубые, смотрят на меня. Я оглядываюсь: где Женька? Махала-махала руками над водой, кричала, а он уплыл. Так жалко, что я, а не он это увидел. Подводный мир — его страсть! Он о рыбках и кораллах в детства мечтал. А тут мы в первый раз в Египет поехали, а увидела такое чудо я...

Я сказал:

— А я думал, Женька зиму больше всего любит! Мы часто на горнолыжные курорты летом ездили!

Наташа, не раздумывая ни секунды, ответила за тебя:

— Женя не любит зиму. Он любит холод!

Меня поразили эти простые слова. Я тогда не понял почему.

— Мне Женя потом объяснил: каракатицы так гипнотизируют своих жертв, — вернулась к рассказу Наташа. — Они, правда, меня так заворожили своими глазами и маханием мантий, что я минут на десять зависла, замерзла даже без движения — водичка была прохладная, — но не могла от них отплыть. Это — самое красивое, честно, что я видела в жизни! Ну почему не Женька?!

Многое мы узнали в тот вечер от Наташи! Обыкновенно когда собирается компания из баб и мужиков, женщины подсаживаются друг к дружке и начинают свои бабьи разговоры о тряпках, детях и чем-то там еще, а мы — о своем. С одной стороны — о серьезном и вечном, о политике и экономике, физике и механике, о морях и яхтах, о машинах, бизнесе и работе, с другой — щебетанье домашних канареек; впрочем, женщины для мужчин-гостей нарядно и сексуально одеваются, это приятно для глаз, когда они молоды, да и на стол надо кому-то накрывать, так что пусть их сидят... Наташа не болтала с Ольгой, и я понял, что дело было не в моей жене. Просто Наташа привыкла участвовать в мужском разговоре. И удивительно — слушать ее нам, мужчинам, было интересно.

Она сидела вначале рядом с Ольгой, но через некоторое время перешла к тебе, села рядом, прильнула к плечу и обняла, как птичка возвращается на гнездо, как только любящая и любимая женщина уверенно и нежно захватывает свое...

Вы потом уехали к родителям Наташи. А я лежал в кровати и не спал долго в ту ночь. Выпил я немного и помнил вечер почти весь. В голове издали звучало: «Это — самое красивое, что я видела в жизни! Ну почему не Женька?!» — и потом: «Женя не любит зиму. Он любит холод!»

Раз уж не спалось, я начал раздумывать над этими Наташиными фразами, застрявшими в моей памяти. Первую я еще мог понять. Пожалуй, я мог представить ситуацию, что кто-то — например, я — увидел тех каракатиц и пожалел, что их не увидел дорогой для меня человек — дочка Людочка, скажем. Хотя это слишком было бы...

нежно. Нет, это все-таки можно понять. Но «ЖЕНЯ НЕ ЛЮБИТ ЗИМУ. ОН ЛЮБИТ ХОЛОД!» находилось за пределами всех классификаций. Это не была фраза влюбленной — влюбленность видит только внешность человека. Женщина, сказавшая эти слова, смотрела в более тщательный микроскоп, чем тот, что нужен для изучения особенностей другого человека в личных целях. Это было что-то неизвестное, инопланетное... Я в полузабытьи увидел звездную пыль на голубых мантиях двух неземных существ...

Что же это? Подосновой этих фраз была не влюбленность, не дружба и не страсть. Что это за детальное, под кожу влетающее, летящее по венам и артериям, сканирующее сердце другого человека исследование? Зачем оно Наташе? ЗАЧЕМ??? Вдруг я понял. Это и есть семейная любовь. Слияние двоих в одно целое. Я резко сел на кровати.

— Чего ты? — недовольно забурчала во сне Ольга. — Дай поспать! Я все твоим гостям готовила, потом посуду мыла... — Она захрапела, как полковая лошадь...

Я смотрел на жену. Она переменила во сне неудобное положение. Храп прекратился.

Лунный свет на ее лице преобразил обрюзгшие черты. Это была прежняя Ольга, какой она когда-то, миллион лет назад, нравилась мне. Это была та девушка, что смотрела в мои глаза с застенчивой улыбкой и смеялась над моими шутками, та, с которой мы в самой первой убогой съемной квартире на односпальной узехонькой кровати дружно по моей команде переворачивались с одного бока на другой, и то я обнимал ее со спины, чтобы мы не упали, то она меня... Это была иллюзия.

Я достал сотовый, набрал пароль и стал рассматривать последние фотки своей последней любовницы. Обнаженная грудь четвертого размера, искусственно белые волосы и пустые алчные молодые глаза показались мне противными. Я бросил телефон, подошел к окну.

Луна смотрела на меня круглым вопрошающим и допрашивающим серебряным оком. Мне не нужна была любовница — никакая. Мне нужна была жена. Та, с которой мы бы знали друг друга десятки лет и старились вместе. Как это Наташа сказала? «Мы с Женькой не боимся стареть, потому что видим друг друга молодыми».

Школьником я запомнил в учебнике физики опыт: брусок свинца и брусок золота держали один на другом под прессом. Через долгое время часть атомов золота и свинца сливались, и бруски прилипали друг к другу: не оторвать даже силой. Это казалось невероятным; опыт мы, конечно, не повторяли в классе. Сегодня я увидел ему подтверждение. Здесь тоже, очевидно, нужны были время и пресс: испытание жизнью. Золотое женское сердце атомами вошло в мужское, суровое, свинцовое. И другой формулы постоянного счастья для них нет.

Мысли мои неслись вперед. То, что я считал причиной, оказалось следствием. Мне вовсе не нужно было слепое исполнение семейного долга от жены. Мне нужна была ее любовь! А любви от нее не было, оттого не было и исполнения долга. Это, оказывается, меня и бесило все эти годы — отсутствие любви.

Ты же помнишь — я говорил тебе в самом начале: у всех нас, мужчин, есть тайна: мы не меньше, чем женщины, хотим, чтобы нас любили. Это глубоко спрятано, потому что выглядит не по-мужски, да уж только это так. Я думал, что Ольга любит меня, раз хотела свадьбы. (Потому и женился на ней.) Оказалось, это неправда. Я метался, искал любви у любовниц. Да какая у тех любовь — та же корысть... Когда я добился, чтобы моя жена стала исполнять свой долг по принуждению, через силу, я продолжал беситься. Потому что не долг мне был нужен, а любовь. Вот как просто!

Раньше я не любил свою жену. Теперь я хотел, чтобы она меня любила.

Я посмотрел снова на спящую Ольгу. От новой душевной размягченности я впервые пожалел ее. Бедная. Ничего она не получала от меня вот уже сколько лет — ни

улыбки, ни внимания... Только тычки и попреки, унижения... Но разве все потеряно? Я хочу любви! Я хочу счастья!

Я погладил Ольгино плечо и попросил:

— Проснись, пожалуйста! Хочу с тобой поговорить.

Она не ответила. Я толкнул ее легонько. Она что-то пробормотала и испуганно села на кровати, видимо со сна пытаюсь вспомнить, в чем провинилась. Не зная, с чего начать, я спросил:

— Слушай... Зачем ты вышла за меня замуж?

Она недовольно пробурчала:

— Это тебе обязательно сейчас надо узнать? Завтра нельзя поговорить?

Я терпеливо объяснил:

— Нет, нельзя. Завтра все пройдет. Так зачем, Оля?

Это неожиданное для меня самого, ласково прозвучавшее «Оля» отозвалось где-то в моем сердце, как эхо в пропасти. Видимо, то же почувствовала и она, широко раскрыла глаза и сказала:

— Я... не знаю.

— Ну, хоть честно, — я был немного раздосадован. — Ладно. У нас дочка. Что с нами происходит? Ты видела, как ведет себя Наташа с Женей? Ты заметила, как она заботится о нем?

Я забыл уже свою недавнюю жалость к жене. Нетерпение охватило меня, я скорее старался донести до нее свою мысль, свое желание.

— Ну, и он заботится о ней, — каким-то возражающим тоном ответила Ольга.

— Разве я о тебе не забочусь? — я начал раздражаться, но сдерживал себя. — Давай не об этом. Дело в другом... Ты меня любишь?

«Это я произношу? — тут же пронеслось в моей голове. — Господи, докатился...»

Ольга смотрела на меня опухшими со сна глазами, в которых по-прежнему маячило сопротивление. Вдруг она сказала:

— Я не могу любить того, кто меня бьет.

Я серьезно ответил по существу:

— Так ты не поступай так, чтобы тебя били. Ты не спорь со мной, вот и все. Зачем ты споришь, кричишь, если виновата?

— Потому что ты неправ, — ответила она.

Я старался не раздражаться:

— В чем я неправ? Что ты не умеешь вести хозяйство?

Она сопротивлялась:

— Я ведь стараюсь!! Меня не научили родители, но я стараюсь! Я уже хорошо готовлю, стираю, убираю!

Я немного завелся:

— Да я сейчас включу свет и найду тыщу мест, где грязь, хочешь? Спорим?! Или не хочешь?? Блин, дело не в этом...

Она смотрела ненавидяще и молчала. У меня ком в горле стоял. Я не хотел на нее наезжать. Как же ей объяснить?? Я сказал:

— Да как же ты не поймешь!! Ты думаешь, мне это надо? Чтобы ты стирала, убирала? Мне надо не это! Хочешь, мы вместе будем готовить? Как Женька с Наташкой? Я и сам могу иногда готовить, как Женька. И пол я мою лучше тебя, можно вместе делать уборку!! Дело ведь не в этом!

Она не понимала:

— А в чем?

Я обрадовался. Сейчас я объясню ей все:

— В том, чтобы ты ХОТЕЛА это делать!!! Это любовь, понимаешь? Это и есть любовь! Семейная любовь!! Когда ХОЧЕШЬ что-то сделать для человека, а не потому, что муж заставляет!! Вот чего мне надо было от тебя! Вот чего мне не хватает!! Я думал, что бешусь оттого, что ты не выполняешь свой долг. А оказалось, это другое.

Она смотрела на меня круглыми тупыми глазами. Что ж, подумал я. Я так много обижал ее. Видимо, нужно самому сделать первый шаг. Показать ей, как нужно быть добрым, великодушным и как все простить. Я, гордясь собой, сказал:

— Ты прости, если я когда-нибудь был с тобой груб.

— Когда-нибудь??? Да всегда! Постоянно! Каждый день! — сквозь зубы, с неожиданной сильной злобой отозвалась она.

— Ну вот я и говорю: прости, — терпеливо ответил я. — А я тоже прошу тебя за то, что...

— Я ни в чем перед тобой не виновата!! — перебила она с таким же наездом.

— А я прошу тебя за то, — я старался сдерживаться и усиливал только голос, — за то, что ты была не очень хорошей хозяйкой, не обращала внимания на меня и Людочку.

Она опять завела старую песню:

— Я никогда тебе не изменяла!! Я — отличная жена и мать!

Она, кажется, думала, что дождалась своего триумфа? Что теперь она будет наезжать на меня, а я стану извиняться? Она выделила слово «отличная» победоносной интонацией.

— Да лучше б ты изменяла, — не сдержался я. Она вылупила глаза. Сейчас спросит, изменял ли я ей, раз так думаю. Я скорее продолжил: — Главное не в том. Пусть с этой минуты мы простим друг другу все!

— Все — это что?? — ее глаза были настороженными и злыми.

— Ты ведь была такой доброй раньше, Оля! Вспомни это. Пожалуйста! — я взял ее за руки. — Давай заботиться друг о друге! Думать друг о друге! Вот, помнишь, Наташа сказала, что Женя не любит зиму, он любит холод. Это потрясает!! А ты? Ты знаешь, например, имена моих друзей? Ты знаешь о моих увлечениях?

— Догадываюсь! — ответила она саркастически. — Это те увлечения, от которых у тебя пароль на телефоне? А ты-то сам? Что ТЫ знаешь обо мне? Когда у меня день рождения?

— Пятого м... мая? — спросил я неуверенно.

— Четвертого.

И у нее стал вид оскорбленной королевы.

Я опять попросил прощения, подумав при этом: «Что-то сама она и не думает перестать мной за свои грехи извиняться!»

Я, идиот, еще надеялся, что сумею ей все объяснить. Я сказал:

— Я и своей мамы покойной день рождения неточно помнил, ты же знаешь. Я забывчив на даты. Я обещаю исправиться. А ты тоже мне кое-что обещай! Ты в последнее время перестала развиваться, интересоваться миром. Вот посмотри на Наташу — с ней всегда интересно поговорить! Я думаю, тебе стоит найти работу, чтобы начать общаться с людьми, интеллектуально расти. И еще... извини, но тебе надо заняться своей фигурой! И все у нас будет хорошо, Оля! Мы ведь вместе так давно! У нас дочка! Ты обещаешь исправиться?

— Я красивее Наташи! — вдруг сказала она.

Я не поверил своим ушам:

— Что-о?

Она, тупо глядя обиженными глазами перед собой, продолжала:

— Наташа — мышь серая. Вообще никакущая. Я ярче и красивее. И фигура у меня лучше. И я моложе ее.

— Ты — дура никакущая!!! — заорал я в бешенстве.

Переведа тупой взгляд на меня, она с ненавистью выкрикивала:

— Что, я не вижу, что ли? Тебе Наташка понравилась!! Вот ты и приводишь ее в пример! А я красивее ее!!!

Я оделся во что попало и поехал на машине, еще не протрезвев окончательно, к любовнице. Уже почти доехав, я вернулся. Встал под окнами своего дома. В них было темно. Ольга преспокойно завалилась спать.

Я сидел в машине и, честно признаюсь, плакал. Второй раз в жизни после смерти мамы. Слезы жгли мне веки и затекали в рот, оставляя привкус соли.

Было часа три ночи. Я снова вошел в свой дом.

6.

Я с грохотом, задевая предметы, зашел в спальню и разбудил Ольгу во второй раз. Любочка спала в дальней комнате, сон у нее был чрезвычайно крепок. Хотя, если честно, я не помнил в тот момент о дочке.

Накануне Ольга обещала мне достать с чердака дома мою теннисную ракетку. Я люблю играть в большой теннис. Помнила ли жена об этом моем хобби, знала ли, насколько я им увлечен? Поскольку мы переехали в дом недавно, то часть вещей временно затолкали на чердак. Я планировал пойти на крытый корт и попросил Ольгу найти ракетку. Она, конечно, забыла об этой просьбе, ведь это не касалось лично ее.

Я грубо толкнул жену и громко спросил:

— Ты достала мою ракетку?

Она отозвалась со сна:

— Ой, я забыла! Гости же твои приехали, я на них готовила, посуду мыла... Давай завтра с утра! — и жирное тело повернулось на другой бок.

«Мои гости!»! Она ничего не поняла. Я напрасно час тому назад призывал ее жить вместе. Она продолжала существовать по отдельности со мной.

Я сорвал с жены одеяло и заорал:

— Сейчас! Бегом на чердак!!!

Она еще не поняла, что ее ждет. Жирная тварь расслабилась из-за моих недавних просьб о любви. Она издала капризный долгий звук, из-за которого мне всегда хотелось ее ударить. Мерзкий звук лишенного воли и разума существа, чей сон или покой нарушили. Что-то вроде произнесенного в нос «о-оу», переводимого как «ты мне до смерти надоел!!!». Потом она с явно сдерживаемой злостью попыталась ответить:

— Какая разница? Утром же ты не пойдешь на корт рано?

В других обстоятельствах это было бы справедливо. Но маленький нюансик: она забыла не про ракетку, она забыла про меня. Ей было наплевать на мои просьбы. Плевать на меня самого. Я уже не думал о какой-то любви. Меня несла вперед бешеная злость.

— Встала быстро и полезла на чердак! — сказал я своим особенным тоном. — А то... водой сейчас оболью!

Я принес с кухни и занес над кроватью чайник с холодной водой. Ольга не шевелилась. Я с удовольствием налил на ее тупую башку воды. На подушке расплылось большое пятно. Тупица быстро вскочила с кровати и закричала:

— Ты что, оборзел? Идиот!

Я занес руку над ее дебильным лбом:

— Чего?? Ты, с..., страх потеряла??

Она испугалась, отскочила и рабски попросила:

— Дай хоть куртку надеть! Там же холодно! Октябрь на дворе!

Я ответил:

— Так пойдешь! Жир согреет!

Глупая индюшка захныкала:

— Там страшно!

Я удивился:

— Я тебе что — папочка? Ты считаешь, меня можно разжалобить? Ты опять ни хрена не помнишь о своих близких, да еще в девочку играешь? А ну, пошла быстро!

Она полезла на чердак, трясясь от холода и страха. Полчаса она там копалась и нашла ракетку. Я не подстраховывал ее на лестнице. Мне было все равно, упадет эта корова или нет. Пожалуй, я хотел, чтобы она упала...

...Мне осталось рассказать из этой мучительной истории еще немного. Годы, к несчастью, текут долго, рассказать же о них можно коротко. Так вот, если коротко: Ольга вдруг переменялась.

Она начала каждый день расспрашивать меня о делах, о работе. Я не отвечал ей откровенностью, но был удивлен. Она... целовала меня, как в давние времена, в прихожей перед моим выходом на работу. Я, конечно, отстранялся, но она своих попыток не оставляла и премоило улыбалась. Что это с ней случилось? — думал я. Она даже похудела: месяца за три чуть ли не вдвое.

— Правда, мама красивая? — спросила меня как-то дочка Людочка, когда мы собирались семьей в гости.

Ольга действительно была эффектна: стройная, с завитыми волосами, на каблуках, в ярком каком-то платье.

— Красивая, — согласился я. Жена просияла. Но я тут же добавил: — А что толку?

Я не верил Ольге. Слишком долго все было по-другому. С чего вдруг такая внезапная перемена? На нее повлияла моя разумная просьба о любви? Почему не сразу повлияла? Неужели она все-таки осмыслила все, наконец решила пойти навстречу?

Однажды я собрался вечером к любовнице. Ольга в прихожей обняла меня. И вдруг прошептала на ухо: «Я тебя люблю!»

От нее, такой гордой своим сопротивлением, вдруг услышать признание в любви? Я забыл в тот момент, что Ольга выпалила не так давно: «Я не могу любить того, кто меня бьет». Я был поражен. В ответ... обнял ее. В первый раз за много лет.

В тот миг в смятении я чувствовал почти счастье.

Я стоял лицом к большому, во весь рост, зеркалу. В нем отразилось собственное мое взволнованное лицо и спина прильнувшей ко мне и замершей Ольги.

Новое это зеркало мы повесили недавно. Оставалось еще прежнее, небольшое зеркало. Оно висело на уровне лица на противоположной стене прихожей, рядом с крючками для одежды. Таким образом, два зеркала находились друг против друга. Ольга говорила, что это удобно: можно видеть себя со спины; поэтому маленькое зеркало мы пока не снимали. Теперь это удобство подвело мою жену.

В своем зеркале я увидел отраженное в зеркале напротив лицо Ольги. И лицо это было... искаженно-зловным. Обнимая, она ненавидела. Я подумал, что мне это показалось. Взглянул еще раз и увидел то же самое.

Жена встретила в свою очередь мой взгляд в маленьком зеркале и поспешно улыбнулась самой приветливой улыбкой. Я отстранил ее, ничего не сказав, и поехал к любовнице.

Через некоторое время загадка Ольгиного поведения разъяснилась.

Мой школьный товарищ, в дом которого мы ездили недавно семьей в гости (куда Ольга так прихорашивалась), позвонил мне и попросил:

— Слушай! Не знаю, как сказать... Уйми свою жену! Она ко мне клеится.

Оказалось, Ольга встречает его будто ненароком на улице, приглашает в кафе поболтать «о жизни»; один раз приходила к нему, когда супруги не было дома; периодически звонит по телефону...

Мой честный друг заявил:

— У меня жена... И еще та баба, официантка из кабака... Кто-нибудь из них застукает твою бабу за этими... безобразиями. Оно мне надо? И это ж твоя жена, мне оно не надо...

Я... засмеялся. Пожалуй, я даже не был удивлен. Я уже говорил, что Ольга после нашей свадьбы начала кокетничать со всеми подряд. А рассказ моего товарища прояснил недавнюю историю с двумя зеркалами.

Моя актриса притворилась. Чтобы прекратить мои издевательства над ней, она начала выказывать мне мнимую любовь. Ей удалось сбить меня с толку. Сама же она в это время искала варианты, чтобы сбежать. Мой школьный товарищ, когда мы были у него в гостях, вслух неосторожно пожаловался на нелады с женой, вот Ольга и размечталась... До этого момента она вела себя умно; потом природный эгоизм сделал ее поведение глупым, и мой товарищ выдал ее.

Я не сказал жене о том, что знаю ее тайну. Верный муж и друг кабачной официантки сам избавился от Ольги, пригрозив, что сообщит обо всем своей супруге.

Я же начал свою игру.

Рассуждал я так.

Ольга думает, я принял за чистую монету показную любовь и ласку? Что ж! Не буду ее разочаровывать! Любишь меня, женушка? Докажи, дорогая!

7.

Месть — счастье ненависти. С этого дня я больше пальцем не тронул свою супругу. Она позабыла о синяках и моих бранных словах. Я вступил в ее игру. Любящие ведь не обижают друг друга!

Вместо этого я стал капризен, как балованный королевский сын. Моя жена с ног сбилась, выполняя мои прихоти. Она обнаружила, что легенда о любви спасает ее от побоев. Так собачка открывает, что, если лизать руку хозяина и шустро прыгать через палку, наградой будет косточка и мирный сон на мягкой подстилке. И она усердно лизала и прыгала!

Среди ночи Ольга, трясась от страха, бежала в круглосуточный ларек через два квартала, потому что я хотел выпить. Ей приходилось терпеть самые неприятные для женщины вещи в сексе. Я заставил ее нырнуть на Крещение со мной в ледяную прорубь. Я затащил ее, клушу, на горнолыжный курорт, где она, обожавшая негу и тепло, десятки раз валилась с лыжами в сугроб. Ее любимый фильм я переключал на сюжет о рыбалке. На реальную рыбалку мы с Ольгой ездили каждые выходные; она без удочки часами скучала на берегу. Конечно, она ненавидела меня с каждым днем все больше. Смешно было то, что она не могла об этом сказать. Больно было осознавать, что если б она любила меня, то с радостью находилась бы везде со мной... тогда и я бы пошел ей навстречу... все это осталось уже далеко, навсегда потеряно...

Так прошел еще год. Мы жили к тому времени в браке уже восемь лет; дочке было шесть с половиной, она пошла в первый класс...

Одним из любимых моих для Ольги мучений было ее будить. Мы являлись противоположностями во всем, и в сне тоже: я спал от силы шесть-семь часов, она могла,

дай ей волю, продрыхнуть сутки. Я, встававший обыкновенно в шесть часов утра, заставлял жену просыпаться раньше на полчаса и готовить мне завтрак. Она ведь любила меня, и ей это было не тягостно, не так ли, спрашивал я. «Да, конечно», — отвечала она, гася в зрачках ненависть...

У меня из-за постоянного нервного напряжения развилась бессонница. Я, просыпаясь по три-четыре раза ночью, будил и жену. «Погладь мне спинку! Посиди со мной!» — просил я. Если бы ее ногти вдруг превратились в кинжалы, она, наверное, с удовольствием разодрала бы мне спину до сердца...

Лучшим снотворным и успокаивающим средством я считал микстуру Кватера. Это было лекарство из детства, его использовала моя мама. Готовой эта микстура не продавалась, ее нужно было делать на заказ.

Чтобы купить эту микстуру Кватера, Ольга ездила для меня довольно часто на другой конец города, в главную аптеку.

Удивительно: я забыл тот день, когда все произошло. Что это было: зима, весна, осень? Какое-то холодное время, потому что я ходил в куртке. Помню свое всепоглощающее раздражение. Был вечер.

— Что ты приготовила на ужин? — спросил я жену, входя в дом.

— Курочку жареную! — ответила она поспешно, снимая с меня куртку и вешая ее в прихожей.

Я помрачнел:

— Ты что, не знаешь, что я люблю больше всего? Знаешь??

Она, с готовностью угодить, пролепетала:

— Жареную картошку?

— Выучила. Молодец, — с недовольным видом ответил я. — Так какого хрена ты сделала свою курицу? Выбрасывай ее в ведро. Иди, жарь картоху. И ты купила, кстати, мне микстуру Кватера?

Я видел из прихожей, как она на кухне молча выбросила курицу из сковородки в мусорное ведро.

— Не купила, что ли? — повысил голос я. — Разве ты не любишь меня, дорогая? Или ты не заботаешься о моем здоровье? Или ты не знаешь, что я не сплю ночами из-за того, что все думаю, — я швырнул в угол прихожей с ноги ботинок, — все думаю о тебе и дочке, как вас обеспечить?! Помогите!

Жена подскочила и стащила с моей второй ноги ботинок.

— Ну? Что же ты стоишь, любовь моя? — издевательски вежливо спросил я. — Беги за миксурой! Только картоху сначала сделай!

Если бы мы были с ней вместе!! Я тогда обнял бы ее и сказал: «Ничего, милая! Ну, забыла и забыла! У всякого бывает. Сейчас мы с тобой поужинаем твоей великолепной курицей. А потом сядем в машину и съездим за этой чертовой миксурой. Заодно прогуляемся! Я так соскучился по тебе за день! А ты?»

Жена покорно пожарила картошку и подала мне. Потом оделась и вышла из дома.

Она вернулась через три часа. Весь наш небольшой город из конца в конец можно проехать на автобусе за двадцать минут. (Такси Ольге я велел не брать из экономии. За деньги она должна была отчитаться.)

Я сидел в кресле в гостиной. Ольга протянула мне пузырек. С ее волос капала вода, зубы стучали от холода.

Я спросил ледяным голосом:

— Ну, и где ты была?

Она стала объяснять, что около сорока минут ждала автобус; замерзла... Потом оказалось, что у кондукторши не было сдачи с пятитысячной купюры, которую я дал Ольге. Кондукторша, женщина старой советской закалки, обругала мою жену, заста-

вила ее доехать до конечной остановки и там разменять деньги в киоске; потом Ольга с конечной добиралась до аптеки, оттуда домой... На улице буйствовал ливень; Ольга вышла из дома без зонта... Все эти неприятности, не такие гигантские и непреодолимые для нормального взрослого человека, казались моей жене, домашней клуше, невыносимыми ударами судьбы. Она громко рыдала почти в истерике.

Меня это внутренне крайне взбесило. Опять играет в девочку — баба, которой за тридцатник! Между тем как огромное множество людей обоих полов ежедневно сражаются за жизнь, терпят реальные проблемы и беды ради своих семей, детей, выруливают, как утлые лодчонки, в житейских тайфунах...

— Ох ты, бедная! — издевательским тоном «пожалел» ее я.

Она подняла на меня мученические глаза с потеками черной краски.

Бешенство поднималось от сердца к моему горлу. Как будто копившаяся магма много лет рокотавшего вулкана добралась наконец до краев своего вместилища. Если сейчас огненный поток вырвется и вынесет с собой на поверхность шлак скрытых тайн... Пусть! Сжигай, ненависть, все на своем пути! С язвительной физиономией я продолжил:

— Это так теперь называется? Автобус опоздал? Или же это переводится: ты любовника завела?

Она обиженно ответила:

— Что ты! Я тебе никогда не изменяла!

Уносимый своим бешенством, я вдруг спросил:

— А я тебе? Как ты думаешь?

Она вытаращила на меня глаза.

Я улыбнулся и сказал:

— Вот видишь! Ты уже не помнишь, по какому поводу только что рыдала. Все познается в сравнении.

— А ты мне изменял? — насторожилась она.

— Что считать изменой, дорогая? — начал рассуждать я, вольно откинувшись в кресле. — Или что считать преданностью? Вот ты, например. Когда ты бегала к... — я назвал имя моего школьного товарища, к которому Ольга навязывалась год назад, — вроде как мне не изменяла, а? Физически нет. А морально? Да ведь была готова и физически?

Я подмигнул ей. Она раскрыла рот в изумлении.

Мой голос звучал все сильнее, но спокойно. Я продолжал:

— Так, мечтая о других мужчинах, была ли ты мне верна? Как ты думаешь? А ненавидеть меня до последней клеточки и заниматься со мной сексом и болтать, что любишь: это — твоя честность?

Ее прорвало. Она завопила:

— Да, ненавижу! Ненавижу! Ненавижу тебя!!!

Она бросилась ко мне и попыталась расцарапать мое лицо. Я отшвырнул истеричку в угол комнаты.

Она кричала:

— Ты послал меня ночью... За этой чертовой микстурой!!!

— Я?? Да нет же! — я протянул ей пузырек. — Ты ошибаешься. Это — не мне. Это — тебе.

— Мне?? — она остоленела от удивления.

Я спокойно ответил:

— Конечно, тебе. Микстура Кватера — для тебя. Ты ведь — дура. Ты — истеричка. Ты — идиотка. А у меня все в порядке. Я — молодец. Здоровье у меня отменное. Мне, знаешь ли, один врач сказал: женщины помогают здоровью. И у меня много женщин. А ты возьми микsturку-то. Попей!

— Я очень хорошая, — она села на диван и вдруг заговорила странным уверяющим тоном: — Я очень красивая. Я похудела. Я в школе была отличницей. Я готовлю Людочке кашу по утрам. Я уже ее не пересаливаю и не забываю положить сахар.

В комнату вошла проснувшаяся от нашего шума дочка.

Ольга уставилась на нее, говоря:

— Я — молодец! Я сегодня учила Людочку таблице умножения. Доченька, сколько будет пятью пять?

— Двадцать пять! — ответила Люда.

— Это я тебя научила! Это я... Я придумала таблицу умножения! — вдруг сказала Ольга.

Дочка восхитилась:

— Ты?? Правда? Ой, я завтра в школе всем скажу!!

Я увел ребенка спать и попросил:

— Доченька! Мама шутит! Таблицу умножения не она придумала. Ты никому такого не говори. Хорошо?

Я вернулся в комнату и сказал злым шепотом жене:

— Ты че? Охренела? Ребенком манипулируешь? Из дочки тоже идиотку хочешь сделать?

Ольга смотрела в угол комнаты. Я с силой тряхнул ее за плечо. Она сказала монотонно, продолжая глядеть в угол:

— Я очень умная. Я очень умная. Я придумала карате. «Кара» — это кара. Чтоб ты знал. «Тэ» — это тебе. Это кара тебе. Тебе. Тебе. Тебе. Тебе...

Так началось то, чему ты, мой друг, был свидетелем сегодня...

8.

Женька сидел, потрясенный. С напряженным лицом, как у человека, поднимающего тяжесть, Димон продолжил:

— Сначала я думал, Ольга притворяется, придумала этаким новым способ защиты. Ведь притворялась же она какое-то время успешно, что любит меня. Но вскоре появилось много поводов убедиться, что это не так.

При гостях моя жена вслух говорила примерно то, что ты сегодня услышал от нее. Я считал бы это мстью, новой игрой актрисы в безумную. Но обнаружил, что часто ее слова позорили перед людьми саму Ольгу. А это было не похоже на искусное поведение эгоистки.

Позже один из психиатров объяснил мне. Для нестойких душ грань между патологией и нормой очень расплывчата. И случается, что в них, все время балансирующих на этой грани, при большом потрясении или длительном испытании, превышающем их силу, словно ломается хрупкая перегородка между разумом и безумием. Это происходит в один миг. И вернуться в состояние нормы несчастные не могут.

Уже семнадцать лет моя жена тихо, не опасно помешана. Если б можно было заткнуть ей рот, заставить замолчать, никто бы, пожалуй, не заметил ее безумия. Она ест, пьет, двигается, как все здоровые люди, знает множество кулинарных рецептов, славно готовит и хорошо вяжет, долго помнит просмотренное по телевизору. Но все, что она видит или о чем читает, словно в фотоаппарате, проходя через собирающую линзу ее ума, стократ уменьшается и переворачивается с ног на голову, а в центре каждого такого «изображения», заслоняя его, проступает, как в фильме ужасов, гигантский призрак ее самой. Она способна говорить только о себе. Каждая ее фраза содержит слово «я».

Любопытные вещи выдают психиатры... Один из них, с которым я часто общаюсь, считает, что каждый человек сходит с ума именно по такой лестнице: помещая в центре всех событий Вселенной себя...

Почему я не сдал жену в психушку, спросил бы не ты, конечно, мой добрый друг, но какой-нибудь практичный человек. Я не добрый, и мне приходила не раз эта мысль. Так почему? Жена моя, во-первых, не опасна, как я уже сказал. Но жутко жить даже с неопасной сумасшедшей. Второй причиной стал отец Ольги.

Он жив еще, ему около восьмидесяти. Семнадцать лет назад, когда я сообщил родителям жены о ее безумии, отец Ольги заставил меня продолжать жить с ней.

— Не позволю свою дочку сдать в дурку! Это позор! Я ее живо вылечу! — сказал он мне тогда по телефону. Он действительно направил вместе со мной за эти годы к моей жене тьму бесполезных врачей. Но... не приехал к нам ни разу. И мать — мать Ольги тоже не приехала!

Только тогда я впервые задумался: почему Ольга за длинные годы моих издевательств ни разу не пожаловалась своим родителям? Она никогда не гостила у них, только привозила им нечасто и ненадолго нашу Людочку. Я сидел за столом со своими тестем и тещей лишь раз, двадцать пять лет назад, на нашей свадьбе, а ведь мы прожили всю жизнь в одном маленьком городе. И тогда вдруг я понял, что в родительской семье Ольга была, по-видимому, несчастна и, наверное, поэтому так стремилась выйти замуж, — и что после свадьбы она осталась по-прежнему одна...

Третьей причиной, сильнее мнения Ольгиных родителей и любых людей, стала моя собственная совесть. Я убил свою жену. И я семнадцать лет несу на себе труп убитого мною человека. Как еще обошлись бы с ней в психлечебнице — кто знает, а я стал бы в этом виноват... И крепка, крепка она страшно, ей на веку написано восемьдесят, девяносто, сто лет — ты видел ее гладкое лицо! Кто не живет, тот не изнашивается. Я ночую у любовниц, а ей говорю, что остаюсь на работе; этот труп ревнует, она отлично помнит, что когда-то я признался ей в изменах...

Ирония Бога в том, что теперь мы поменялись ролями. Каждую минуту каждого дня моя жена мучает меня, как я мучил ее когда-то. Я издевался над ней около десяти лет. Она надо мной — уже семнадцать. Она ведет в этом черном счете, она наперед выиграла. Разница в том, что она не знает об этом.

Что такое любовь в браке, снова прилетает ко мне иногда в бессонные ночи старый проклятый вопрос, как сухой лист с давно засохшего дерева. Женщина спрашивает мужчину, как дела, и ей это действительно важно. Так что же — мир рушится, женщина сходит с ума, ребенок обречен, семья погибает только оттого, что один человек не смог искренне спросить другого: «Как твои дела?» А ведь это действительно так...

* * *

...Слезы, верный признак стареющего мужчины, текли по щекам Димона. Женька машинально отметил, как действительно стар товарищ его молодости. Сети морщин, в которые попались изогнутые рыбки-глаза, набрякли и стали мешками: явное свидетельство привычки к усиленной дозе алкоголя...

...Дочка Димона выскочила из дома и быстро побежала к разъехавшимся автоматическим воротам двора. В их проеме Женька увидел высокого, вполоборота стоявшего к дому молодого мужчину и мальчика лет пяти, которого мужчина придерживал, не давая зайти. Людмила, умоляюще сложив руки, что-то говорила высокому. Тот отрицательно покачал головой и увел мальчика к видневшейся за воротами машине.

— Зять, — пояснил Димон. — И внук. Ты подожди минуту, пожалуйста.

И Димон, у которого тяжелый рассказ как будто отнял обыкновенную быстроту и резвость движений, направился к воротам.

Видимо воспользовавшись отсутствием надзора, от дома снова пошла к Женьке женская фигура в черном пальто и коричневой шали. Женька внутренне напрягся. Теперь он немного побаивался Ольги.

— Мне подают сигнал, когда он едет с работы! — присев на скамейку в беседке, быстро, стараясь успеть высказаться, заговорила сумасшедшая. — И тогда мы спаслись, потому что я услышала сигнал! Если сигнал три раза, значит, он едет к любовнице. Мне показывают, куда он едет. Мне всё показывают. Чтоб ты знал. По телевизору показывают город... Мне всё показывают. Я всему название дала. Я очень умная. А Димон — тьфу! — она энергично плюнула на пол беседки. — Я все придумала!

— Олечка! Что ты все о себе да о себе! — мягко попробовал воздействовать на несчастную Женька. — Поговори о чем-нибудь другом! Как красиво у вас в саду! Какой нынче апрель! Погляди!

Был один из краткой череды тех неброских и неповторимых дней на нашем Северо-Западе, когда новая весна, словно начинающий живописец, берет свои первые акварельные краски и, от неопытности слишком сильно разведя водой, случайно сливает их, так что в бледном голубом небе видится оттенок зеленого, а в короткой юной травке, проросшей сквозь блеклое прошлогоднее сenco, — примесь голубого. Сам воздух кажется союзом этих прозрачайших лазури и патины — это цвет чистой воды, цвет обещания жизни; льется сквозь него непрерывно свет от неба, за которым еще прячется невидимое солнце; теплеет в эти дни в мире и душе человека. Всего через пару-тройку недель художник осмелеет, и нежную акварель сменит густая сочная гуашь, палитра цветов обогатится, пока же это — первый на вернисаже красочный эскиз после убранных в запасы черно-белых однообразных гравюр зимы... На альпийской горке, которую раньше заметил Женька у беседки, за день совсем распустились довольно крупные, пока единственные в саду цветы. Он вгляделся и вдруг поразился их красоте. Кончики оранжево-желтых тычинок дерзко выглядывали из изящных нежно-лиловых рюмочек, окрашенных продольными полосами, как мазками кисти. Чашечки цветков поддерживали подставки-ладошки с раздвинутыми «пальцами», уже лилово-коричневые; отходившие от них стебли книзу постепенно чудесным образом меняли цвет, от темных к все более светлым тонам лилового и далее к совершенно белому.

Женька хотел показать на лиловые цветы Ольге, но она опередила его: сняла с плеч свою коричневую шаль и заявила:

— Настоящая итальянская! Димон мне на Новый год подарил. Привез из Италии!

От ворот, грозно нахмурив брови, шел Димон. Ольга, похоже специально оставив широко раскинутую шаль на скамейке беседки, ушла в дом.

Автоматические ворота медленно съезжались. За ними виднелось недовольное лицо зятя, отворившего дверцу машины для ребенка. Мальчик, не по возрасту молчаливый, замкнутый, смотрел в землю. Людмила почти в истерике плакала. Женька вдруг понял, что сегодня, в день пятидесятилетия Димона, в этот дом не пришел ни один гость, кроме него...

В коттедже за огромным арочным окном стояла, как каменная статуя в нише, полная фигура и смотрела в упор на Женьку. На мгновение ему, бывалому, закаленному жизнью человеку, стало страшно, как будто он заглянул в пропасть...

9.

Следующим утром в половине седьмого Женька со своей небольшой дорожной сумкой тихо вышел из гостевой комнаты в доме Димона. Все спали, стояла мертвая тишина; сбывался его план уехать без разговоров, хоть это было невежливо, и оста-

вить хозяевам на кухне прощальную записку. Он так и сделал, спеша, хотя очень хотелось выпить кофе: ночь прошла в бессоннице, только накатывала дремота, как он тут же просыпался, всякий раз натываясь взглядом на запертую им самим зачем-то задвижку двери...

...Он прошел по саду мимо беседки, ощущая сквозь легкую куртку довольно сильный холод, и вдруг увидел на альпийской горке вчерашние лиловые цветы. Они лежали на земле мертвые, утратили свои необыкновенные оттенки и были похожи на тощие синеватые тряпочки. Видимо, ночью случился заморозок.

Через полчаса Женька проехал на своей машине уже километров тридцать от Новгорода. Как это бывает, услышанное и увиденное восставало, прокручиваясь отдельными сериями кадров, в его памяти.

«Что бы сказала Наташа на это? — думал он по многолетней привычке. — Сказала бы: „Трагедия о том, как два эгоиста напрасно требовали любви друг от друга...“ Еще сказала бы, наверное, — я слышал от нее это как-то, — что любить должна первой женщина, только любить по-настоящему, то есть любить не для себя. А мужчина откликнется. Я бы добавил: нужно еще, чтобы мужчина хотел быть мужем». И следующая острая мысль пронзала его сердце: «Это же — мои друзья... Как жаль...»

В одном месте трассы образовалась минут на пять-десять пробка. Женька достал сотовый и стал рассматривать вчерашние снимки, которые хотел показать жене. Дом Димона, сад, лиловые живые цветы, фигура друга, склонившегося над мангалом, семья Димона в беседке... Он хорошо помнил, как для последнего кадра отдал Ольге в руки свой телефон — пока еще ничего не знал, — чтобы сняться вдвоем с Димоном на память. Теперь он в рассеянном недоумении раздумывал: где же этот снимок и почему с фотографии на него смотрит блинообразное белое Ольгино лицо. Наконец понял: она, видимо, случайно нажала на значок переключения камер и сняла вместо них с Димоном себя, но не заметила этого. Слова Димона о призраке в фотоаппарате вспомнились ему; он вздохнул...

Женьке было тоскливо и немного стыдно за то, что он счастлив. Он чувствовал себя богачом, который, имея миллиарды, не может ни копейки передать своим любимым друзьям. При этом он ощущал некоторую неловкость оттого, что решительно не знал, как пришел к своему счастью и чем заслужил его. Кажется, ничем!

Куда бы он ни оглядывался в своей памяти, он видел глаза жены, Наташи. Эти глаза удивлялись его удивлению, смеялись с его смехом, плакали, когда его сердце горевало. Он помнил, как она порывисто обняла его голову и прижала к себе, когда умерла его мать. Как до этого, когда мама его болела, Наташа ухаживала за ней, приезжая вместе с ним по несколько раз в месяц в город, где мама, которую нельзя было перевозить с места, лежала в больнице. Вспомнил, как он сам тоже ухаживал потом за ее матерью, возя ее по врачам, и это было — ответ на Наташины глаза. Все, что он делал в жизни хорошего, было ответом на эти глаза.

На его сотовом телефоне была записана тайная колыбельная. Смешная песенка из мультика. «Спят твои соседи, звездные медведи, спи и ты, усни, малыш». Какой он малыш — дяденька пятидесяти лет?! Но он сам попросил Наташу записать эти несколько строчек, чтобы слушать ее голос перед сном в командировках в наушниках. Вчера он не слушал колыбельную. Наташа позвонила, чтобы вместе с Димоном устроить видеовстречу, потом Женька написал ей эсэмэску перед сном. Говорить не хотелось. Он расскажет Наташе все потом.

Скорей бы вернуться домой!

Когда Женька уезжал в долгую командировку, там все знали, что он женат, но каждый раз кто-то предлагал найти ему временную женщину. И он врал этим доброхотам, придумывал, что устал или что не любит европейек, а любит азиаток, а там, где

были азиатки, говорил, что ему нравятся скандинавки. Ему давно уже казалось, что поголовно все его друзья и знакомые, а возможно, и все люди в мире, кроме него и Наташи, сумасшедшие.

Он думал о том, что современное ему человечество, такое самостоятельное, независимое, по большому счету небедное, имеет огромное преимущество перед теми, кто жил всего лет сто назад и раньше. Преимущество это заключалось в том, что они, эти новые современные люди, могли совершенно свободно выбрать себе пару не по расчету или приказу, а по любви и удовольствию и прожить всю жизнь в любви и счастье. Ему, идеалисту, грезилось: вот тут-то и должно было человечество зажить наконец; теперь-то, когда кончились все крупные мировые войны и обеспеченные, не нищенски живущие современники могли обратить внимание на возможность такого внутреннего своего счастья, и должны были начаться и потечь широкой рекой для всех золотые века! Но он видел повсюду совершенно обратное.

Все люди вокруг него если и начинали семью с любви, то стыдились показывать эту любовь не только остальным, но и друг другу, забивали эту любовь, как могли, уничтожали ее, даже молодые, из страсти вступившие в брак, а пожив вместе, они переставали любить и начинали ненавидеть друг друга. Он часто наблюдал, как ненависть у них становилась соревнованием, и тот, кто первый поскорей предавал, открыто или тайно для второго, рассказывал друзьям об этом и радовался, что второй не успел ударить его раньше. Тот же, кого опередили, старался сделать что-нибудь еще более омерзительное, чем первый, и соревнование продолжалось.

В обществе этих людей было утверждено, что счастья между мужем или женой, живущими в браке не первые дни, никогда не бывает, а бывает только счастье с кем-то другим, малоизвестным; если же этот другой вдруг становился близким, таким, как муж или жена, любовь моментально исчезала.

Самые добрые и умные из этих людей старались, как они это называли, работать над своим браком. Это означало у тех как можно вежливее обходить друг друга, как можно меньше задевая, чтобы поудобнее жить раздельно. На самом же деле для счастья нужно было другое, противоположное — жить вместе, и это и была бы любовь, но этого-то они и не хотели.

Все эти люди рассуждали о кризисе современной семьи и объясняли этим свою, единую для всех, проблему, а никакого кризиса семьи не было. Был кризис любви. Распространившееся в мире неумение любить. И чем независимее друг от друга становились мужчины и женщины, тем меньше любили.

Как шелкопряд в момент угрозы выпускает из себя драгоценную шелковую нить и виснет на ней, чтоб не упасть с ветки, так у людей вдруг иногда появлялась любовь, если они пугались потерять другого человека. Свободно же, не из страха, любить они не умели. Значит, и любовь их была не любовь, а страх. Выбатывать постоянно любовь — этот шелк, роскошь жизни — никто не хотел, но каждый стремился получить ее от других.

Чтобы получить любовь от других, люди украшали себя: мужчины качали мышцы, женщины покупали новые платья и туфли, вкалывали какие-то штуки в щеки и губы, отчего лица становились как у детских резиновых уток — и лица лоснились, а тела были упруги, но любви, на которую они надеялись, не было, или она случалась очень короткой. Они пробовали получать счастье и другим путем, путем денег, но и такое счастье давало только временное удовлетворение, а потом кончалось. Женька знал этому объяснение: все это имело счет и было конечным. В то время как глаза Наташи, в которые он глядел, и мир, на который они смотрели вместе с ней и о котором они говорили с ней, были бесконечны, и только эти две бесконечные вещи давали бесконечное счастье.

Женька точно знал, что сто человек из ста и миллион из миллиона высмеяли бы его, если б он открылся, что любит свою жену и хочет быть ей верным, чтобы не принести ей боль, а главное — чтобы видеть всегда ее чистые глаза. В одной командировке ему запомнился сорокалетний командировочный, отец троих детей, который спал с местной студенткой, а когда звонил жене, спрашивал, как дети, давал советы, высылал ей на карточку деньги и был спокоен. Это было дико, но всем это казалось нормальным, а Женька со своей любовью к жене был ненормален. Между тем все, кто жил иначе, чем он, жили без счастья и жаловались друг другу.

У Женьки с Наташей была взрослая дочь, и она делала то же, что Наташа, по отношению к своему мужу и была счастлива. Видимо, это был единственный способ передать то богатство, которым владели Женька и Наташа, другим. Это богатство — семейное счастье, — как корону, можно было получить смолоду только по наследству. А объяснить остальным людям, как достичь его, было нельзя.

«Ведь это так просто! Всем людям на Земле делать то, о чем знаю я, и быть счастливыми!» — думал взволнованно Женька.

Ожидая на заправке своей очереди, он машинально отметил троих, вышедших из соседней машины. Это были два парня — один с женским «хвостиком» на затылке, второй украшен цепочкой с подвеской на груди и какими-то фенечками на запястьях — и девушка с короткой стрижкой. Девушка сплюнула на асфальт.

Женькины мысли опять вернулись к прежнему:

«Один за всех и все за одного. Почему эта фраза, девиз дружбы, никогда не применяется к браку? При том, что именно брак — наиплотнейшая связь людей! Чего угодно напрасно ждут от брака: вечного сексуального и зрительного наслаждения, незаслуженного покоя и праздности, служения слабого сильному. Между тем формула настоящего брака: один — за одну, и одна — за одного, вместе же они — за своих детей. Мужчина стеной оберегает женщину от внешней угрозы, но сам беззащитен перед метаниями собственной души. Женщина, напротив, слаба перед угрозами мира, но сильна внутренне. Он может и должен защитить ее, она — его... Бог сделал мужчину и женщину разными, противоположными, чтобы они сильнее ломали свои эгоистичные души ради другого и становились лучше. После еще лучше их делают дети, перед которыми нельзя показать дурной пример. Вот и все. Вот для этого и семья. Но как же объяснить это всем?..»

...Два женоподобных парня и девушка с короткой стрижкой сели в свою машину — девушка на водительское сиденье — и отъехали. От здания заправки отошла и просунула в окошко Женьке руку со стаканчиком пожертвований на бездомных кошек другая девушка, в длинной юбке и разноцветной вязаной безрукавке. Вид у нее был серьезный; она дала ему зоозащитную листовку.

Двигаясь потом в потоке машин по трассе, он думал уже о них, тех, кого увидел на заправке:

«Новое поколение... Это другие люди, они всему найдут оправдание, всех за все простят, зная, что простят и их, но как же удивятся они, когда жизнь смеет их на своих жерновах... Я родился в Советском Союзе, живу сейчас и, верно, умру в новой России. Родина моя так же мало похожа на ту, какой она была тридцать-сорок лет назад, и так же близка к облику всех западных стран, как дряхлая старуха больше походит на других старух, нежели на саму себя в молодости. Меняется, смягчает наш мир. Но вечными остаются хрупкая душа и яростное человеческое сердце...»